

Женщины-врача М. И. ПОКРОВСКОЙ.

ПО ПОДВАЛАМЪ, ЧЕРДАКАМЪ

И

УГЛОВЫМЪ КВАРТИРАМЪ

ПЕТЕРБУРГА.

СОДЕРЖАНИЕ: О жилищахъ петербургскихъ рабочихъ.—
Моя думская практика.— Изъ жизни петербургской
угловой квартиры.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 ноября 1902 г.

О жилищахъ петербургскихъ рабочихъ.

Въ этой статьѣ сгруппированы нѣкоторыя свѣдѣнія о жилищахъ петербургскихъ рабочихъ, собранныя петербургскими санитарными врачами для комиссіи по изысканію мѣръ къ улучшенію жилищъ рабочихъ русскаго общества охраненія народнаго здравія, частью же авторомъ статьи при помощи одного временнаго думскаго врача. Эти свѣдѣнія относятся къ пяти частямъ города: Спасской, Александро-Невской, Васильевской, Петербургской и Выборгской. Всего имѣются свѣдѣнія о 39 квартирахъ, въ которыхъ помѣщается 726 человекъ рабочихъ и ихъ семейныхъ.

Такъ какъ свѣтъ и воздухъ составляютъ самую необходимую принадлежность жилища, то прежде всего мы должны обратить вниманіе на то пространство, которое занимаетъ однимъ человекомъ, и на освѣщеніе комнатъ дневнымъ свѣтомъ.

Изъ доставленныхъ свѣдѣній мы узнаемъ, что въ одной квартирѣ помѣщалось отъ 4 до 73 человекъ. Въ 30 квартирахъ было болѣе десяти человекъ, въ 11 квартирахъ болѣе двадцати. Въ одной комнатѣ помѣщалось отъ одного до двадцати человекъ. 13 разъ въ одной комнатѣ было болѣе десяти человекъ. Изъ 117 комнатъ менѣе одной кубической сажени на одного человека было въ 83, отъ 1 до 2 въ двадцати, отъ 2

до 3 въ десяти, а болѣе 3 к. с. въ четырехъ комнатахъ. Чаще всего встрѣчалось 0,4—0,5—0,7 куб. саж. на одного человѣка. Квадратная площадь пола на одного 0,3—0,5 кв. саж., 81 разъ менѣе 1-й кв. саж., 23 раза отъ 1 до 2 кв. саж. Въ помѣщеніяхъ безъ оконъ жило восемнадцать человѣкъ.

Эти цифры заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Въ квартирѣ живетъ 20—73 человѣкъ, а въ одной комнатѣ 10—20 чел. На одного человѣка приходится менѣе одной кубической и менѣе одной квадратной сажени ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{8}$ куб., и кв. сажени).

0,3 квадр. и 0,3 куб. сажени—такое пространство занимаетъ одинъ человѣкъ. Для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о значеніи этихъ цифръ, надо отмѣрить у себя въ комнатѣ три аршина въ длину и вышину и одинъ въ ширину. Это и будетъ треть кубической и квадратной сажени. На такомъ пространствѣ долженъ помѣщаться одинъ человѣкъ. Конечно, въ концѣ концовъ намъ надо только три аршина земли. Но живой человѣкъ не мертвецъ. Живой человѣкъ не можетъ постоянно лежать на своемъ трехъ-аршинномъ мѣстѣ. Онъ хочетъ жить и двигаться. Но жить и двигаться невозможно на такомъ пространствѣ. Поэтому живой человѣкъ начинаетъ изыскивать всевозможные способы, чтобы удовлетворить свою потребность въ движеніи. Онъ въ свободное отъ работы время пойдетъ въ кабакъ, пойдетъ къ знакомымъ, пойдетъ во дворъ. Только, навѣрное, не останется въ своемъ жилищѣ, гдѣ ему предоставляется ровно столько мѣста, сколько нужно, чтобы лежать.

Такое пространство мнѣ пришлось видѣть въ одномъ новомъ деревянномъ домѣ. Постройка дома была еще не окончена, а квартиры въ немъ всѣ уже были заняты.

Квартира, въ которой мнѣ пришлось быть, состояла изъ трехъ комнатъ и кухни. Двѣ комнаты были свѣтлыя, въ каж-

дой по одному окну. Третья комната проходная и совсѣмъ безъ оконъ. Въ кухнѣ окно выходило въ корридоръ и тамъ господствовалъ мракъ.

Квартирохозяинъ недавно нанялъ эту квартиру и въ ней живутъ заводскіе чернорабочіе, пока только одиннадцать человѣкъ. Въ одной свѣтлой комнатѣ помѣщалось двѣ семьи. Каждая семья занимала кровать съ ситцевымъ пологомъ. Между кроватями находилось узкое пространство для прохода. Стоялъ столъ, двѣ табуретки и маленькій сундукъ. Въ комнатѣ довольно чисто и опрятно. Въ ней помѣщалось семь человѣкъ: двое мужчинъ, двѣ женщины и трое дѣтей моложе десяти лѣтъ. Двое изъ нихъ были больны скарлатиной. Одинъ маленькій, на рукахъ, другой—дѣвочка лѣтъ шести-семи помѣщалась на сундукѣ, который хваталъ ей до колѣнъ. Несчастнѣйшій больной ребенокъ долженъ былъ лежать скорчившись. Въ этой комнатѣ приходилось 0,3 кв. и 0,3 куб. саж. на человѣка, считая взрослыхъ и дѣтей.

Во второй свѣтлой комнатѣ живетъ пока одинъ. Кровати двѣ. Будутъ пускать еще жильцовъ. Можетъ быть, въ этой комнатѣ помѣстятся тоже двѣ семьи.

Въ темной проходной комнатѣ жильцовъ еще нѣтъ, но она сдается и, по всей вѣроятности, жильцы найдутся. Можетъ быть, поселится одна и даже двѣ семьи.

Въ темной кухнѣ живетъ квартирный хозяинъ съ женой и маленькимъ ребенкомъ. Здѣсь просторнѣй, нежели въ комнатахъ, но темно.

Жильцы въ первой комнатѣ, гдѣ нельзя сдѣлать шагу, чтобы не зацѣпить за что-нибудь, и жильцы въ темной кухнѣ,—какую жалкую жизнь имъ приходится влачить въ этихъ темныхъ и узкихъ пространствахъ! Человѣкъ принужденъ или какъ звѣрь лежать въ своей берлогѣ, или бѣжать вонъ изъ дома.

И взрослый мужчина, навѣрное, убѣжить. Но что же дѣлать женщинѣ, у которой на рукахъ маленькія дѣти, да еще больныя? Ей приходится волей-неволей покориться своей участи и жить безъ воздуха и въ темнотѣ, проклиная свою горькую долю или впадая въ тупое равнодушіе, которое помогаетъ ей кое-какъ влачить свою жалкую жизнь.

Въ этой квартирѣ было трое дѣтей, изъ которыхъ двое скарлатинозныхъ, а третій изнывалъ въ темной кухнѣ. Эти дѣти, навѣрное, не выростутъ нормальными и здоровыми людьми.

Треть кубической сажени, повидимому, чего же меньше, но оказывается, что есть еще меньше, есть четверть куб. саж. на одного человѣка. Такой объемъ приходится на одномъ чердакѣ, свѣдѣнія о которомъ доставлены д-ромъ Сланской.

Комнаты на этомъ чердакѣ со сводами. Высота въ серединѣ три аршина, около стѣнъ полтора. Отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола гораздо меньше нормального. Квартира состоитъ изъ трехъ комнатъ и кухни. Въ ней живетъ шесть мужчинъ, двѣнадцать женщинъ и шестеро дѣтей. Самое большое кубическое содержаніе на человѣка въ комнатѣ полкубической сажени. Въ одной комнатѣ, почти совсѣмъ темной, живутъ женщины. Очевидно, ихъ заработокъ такъ малъ, что ничего лучшаго онѣ не могутъ имѣть.

Выше было сказано, что въ совершенно темныхъ комнатахъ, совсѣмъ безъ оконъ, жило восемнадцать человѣкъ. Здѣсь жили преимущественно одинокіе мужчины и женщины и помѣщались въ проходныхъ корридорахъ. Но мы составили бы себѣ ошибочное представленіе о существующемъ положеніи вещей, если бы думали, что только эти восемнадцать человѣкъ живутъ въ темныхъ комнатахъ. Это помѣщеніе совершенно безъ оконъ, но есть комнаты съ окнами, выходящими въ стѣну или въ корридоръ, и въ такихъ помѣщеніяхъ часто живутъ цѣлыя

семьи. Вотъ, напримѣръ, образцы такихъ квартиръ, въ которыхъ мнѣ пришлось быть самой.

Квартира помѣщается въ первомъ этажѣ двухъ-этажнаго деревяннаго дома. Состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Ходъ изъ сѣней черезъ кухню въ первую комнату, а изъ первой во вторую. Въ комнатахъ по два окна на улицу. Свѣта достаточно. Стѣны оклеены обоями. На стѣнахъ и на потолкѣ слѣды сырости. Есть форточки. Окно въ кухнѣ выходитъ въ корридоръ. Въ ней господствуетъ полумракъ. Въ квартирѣ грязь. На лѣстницѣ грязь и зловоніе. Въ этой квартирѣ помѣщались преимущественно семейные рабочіе. Въ первой комнатѣ живетъ восемь человѣкъ: трое мужчинъ, три женщины и двое дѣтей. Всѣ помѣщаются на трехъ кроватяхъ. Во второй двѣ семьи и двое одинокихъ, всего девять человѣкъ (трое дѣтей). Въ темной кухнѣ живутъ только семейные, здѣсь же помѣщается и квартирная хозяйка съ мужемъ, всего одиннадцать человѣкъ (четыре дѣтей). На каждаго въ квартирѣ приходится около половины кубической сажени воздуха. Въ квартирѣ живутъ заводскіе чернорабочіе, получающіе 60—80 к. въ день. Плата за кровать въ комнатахъ 4 р. и 3 р. 50 к., а въ кухнѣ 3 р.

Въ этомъ домѣ во второмъ этажѣ находится такая же квартира, состоящая изъ двухъ комнатъ и кухни. Ходъ черезъ кухню. Въ комнатахъ по два окна на улицу, а въ кухнѣ одно въ корридоръ. Въ ней полумракъ. И здѣсь въ комнатахъ грязь и сырость, а на лѣстницѣ грязь и вонь, которую распространяетъ простое отхожее мѣсто, здѣсь находящееся.

Въ комнатахъ этой квартиры помѣщается артель заводскихъ чернорабочихъ, всего двадцать человѣкъ. Въ первой комнатѣ восемь человѣкъ, а во второй двѣнадцать. Всѣ помѣщаются на десяти кроватяхъ. Первая комната служитъ и столовой. Въ ней стоитъ столъ, грубо сколоченный изъ досокъ, ска-

мейки и табуретки. На каждого приходится около половины кубической сажени воздуха. Плата 3 р. 20 к. за кровать или 1 р. 60 к. съ каждого въ мѣсяцъ. За эту плату хозяйка стираетъ бѣлье, готовитъ кушанье и убираетъ комнаты. Жильцы получаютъ 60—80 к. въ день.

Въ кухнѣ, темной и проходной, помѣщается три семьи, считая и хозяйскую, всего восемь человѣкъ (двое дѣтей). Плата 3 р. 20 к. за кровать, но хозяйка ничего не дѣлаетъ для семейныхъ.

Дворъ, на которомъ находится этотъ домъ, очень большой, но не мощный, грязный и зловонный. Здѣсь было бы достаточно чистаго воздуха, если бы ретирады были устроены сообразно съ гигиеническими требованіями и если бы дворъ былъ замощенъ и содержался въ чистотѣ. Но ретирады самага первобытнаго устройства заражаютъ весь дворъ и весь домъ. Грязь съ незамощеннаго двора заносится на лѣстницу, а съ лѣстницы въ комнаты, которыя и безъ того трудно поддерживать въ чистотѣ, такъ какъ въ нихъ живетъ двадцать восемь человѣкъ.

Въ 39 изслѣдованныхъ квартирахъ десять семей (33 чел.) жили въ помѣщеніяхъ, подобныхъ кухнѣ этихъ двухъ квартиръ. Слѣдовательно, изъ 762 чел. 51 чел. были лишены благотворнаго вліянія дневнаго свѣта и изъ нихъ было тринадцать дѣтей, которымъ свѣтъ особенно необходимъ для сохраненія здоровья и нормальнаго развитія.

Насколько рабочіе дорожатъ дневнымъ свѣтомъ, доказываетъ слѣдующее описаніе одной квартиры, доставленное санитарнымъ врачомъ Петербургткой части, д-ромъ Бонкеромъ.

Описанная имъ квартира помѣщается во 2-мъ этажѣ деревяннаго стараго дома, содержимаго довольно удовлетворительно. Состоитъ она изъ трехъ комнатъ, прихожей и кухни. Входъ со двора изъ сѣней. Пять оконъ выходятъ на дворъ. Разстоя-

ніе отъ противоположной стѣны шесть сажень. Водопровода въ квартирѣ нѣтъ. Вода доставляется дворникомъ изъ водопровода на дворѣ. Въ корридорѣ двѣ круглыхъ и одна русская печь. Зимой ставится и желѣзная. Стѣны комнаты оклеены обоями, а въ кухнѣ и корридорѣ выкрашены клеевой краской. Форточка есть въ одной комнатѣ и въ кухнѣ. Плата за квартиру восемнадцать рублей безъ дровъ.

Въ ней живутъ подбойщики (сапожники работающіе на улицѣ), всего четырнадцать человѣкъ (11 муж. и 3 жен.). Одинъ помѣщается въ темномъ корридорѣ. На каждого приходится 1—2 куб. саж. воздуха. Свѣта достаточно. Кроватей 11. Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ спать, тамъ и работаютъ.

Сама по себѣ квартира не представляетъ ничего особеннаго, но интересно слѣдующее примѣчаніе врача относительно платы за уголь.

«Квартирохозяинъ,—говоритъ д-ръ Бонкеръ,—взимаетъ съ жильцовъ плату такимъ образомъ:

- 1) Если жилецъ занимаетъ уголь и окно, т. е. работаетъ у окна, то плата три рубля въ мѣсяцъ
- 2) Если жилецъ работаетъ не у окна, то два рубля въ мѣсяцъ.
- 3) Если двое работаютъ у одного окна, то пять рублей въ мѣсяцъ съ двоихъ.
- 4) Если жилецъ занимаетъ только уголь, но не работаетъ, то два рубля въ мѣсяцъ».

Такимъ образомъ оказывается, что за возможность пользоваться дневнымъ свѣтомъ жилецъ долженъ приплачивать 1 р. или 50 к.

Въ одной комнатѣ нерѣдко помѣщается 10—20 чел., а въ квартирѣ 20—51 человѣкъ. Это отвлеченное 10—20 человѣкъ не даетъ намъ настоящаго представленія о дѣйствительности.

Для того, чтобы составить о ней хотя бы приблизительное понятие, вспомните о жилищах рабочих в то время, когда в вашей маленькой гостиной соберется 10—20 человек гостей и вам покажется в ней очень тесно. И представьте себя тогда, что при таких условиях люди живут постоянно, что люди различного характера, наклонностей и привычек должны проводить совместную жизнь в такой тесноте.

Санитарным врачом Петербургской части доставлено описание нескольких квартир, занимаемых артелями. В этих квартирах помещается двадцать и более человек в одной комнате.

Вот так живет, например, артель камнебоев, содержащих подрядчиком.

Квартира помещается в подвале деревянно-каменного старого дома. Пол ниже уровня земли на один аршин два вершка. Пять окон выходят на двор. Расстояние от противоположной стены четыре сажени. Квадратная площадь каждого окна полтора аршина. Освещение дневным светом недостаточно. Вода возится с Невы, хранится в квартире в кадках. Простое отхожее место. Плата за квартиру с водой 18 руб. 50 коп.

Квартира состоит из одной комнаты. Нет ни кухни, ни прихожей. Вход прямо из сени. Стены окрашены клеевой краской. Русская печь и плита. Три форточки. Простой деревянной перегородкой в комнате отделено небольшое пространство для кухарки.

В этой квартире помещается 26 чел. (25 муж., 1 жен.). Мужчины спят на нарах, устроенных около трех стен. Ширина нары равняется $20\frac{1}{2}$ аршин, а длина $2\frac{3}{4}$ арш. Следовательно, на каждого приходится приблизительно три четверти аршина ширины. Это пространство настолько мало, что

спящие должны плотно лежать друг около друга, чтобы иметь возможность уместиться. И в таком положении должны спать 25 чел., утомленных тяжелым трудом! На каждого приходится около половины куб. и квадр. саж. Квартира содержится грязно. Стены и потолок несут следы сырости.

Если ко всему этому мы прибавим, что в этой же комнате готовят и пищу и сушат грязное и мокрое платье, то всякий может представить себе ту грязь, тот невозможный воздух и то количество насекомых, которое должно находиться в таких жилищах.

Санитарный врач Васильевской части также описывает подвальную квартиру, в которой живет артель извозчиков, содержащая одним каретчиком.

Эта квартира помещается в подвале смешанного, грязно содержаемого дома. Пол подвала ниже уровня улицы на 15 верш. При больших наводнениях подвал заливается водой. Стены и потолок несут следы сырости. Рядом с квартирой чулан и отхожее место. В квартире есть ватерклозет, но им не пользуются, а пользуются простым ретирдом на дворе. Есть водопровод. Квартира состоит из двух комнат, из которых одна служит и кухней. Одна русская и одна голландская печь. Четыре окна. Три форточки. Освещение в первой комнате неудовлетворительное, а во второй плохое. Высота комнат одна саж. Плата за квартиру 13 р. без дров.

В первой комнате помещается 9 человек (8 муж. 1 жен.) Для сна им служат две кровати и шесть нары без перегородок. Во второй живет трое мужчин и стоят две кровати. В первой около одной, а во второй около половины куб. сажени на человека.

Следующая квартира, описанная санитарным врачом Петербургской части, несколько лучше. Она помещается в пер-

вомъ этажѣ стараго деревяннаго дома. Состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Ходъ изъ сѣней черезъ кухню. Шестъ оконъ выходятъ на дворъ и на улицу. Въ первой комнатѣ свѣта достаточно, во второй мало. Двѣ форточки. Воду носить дворникъ изъ водопровода. Въ этой квартирѣ помѣщается артель ломовыхъ извозчиковъ, получающихъ квартиру отъ хозяина, который живетъ здѣсь же. Въ первой комнатѣ живутъ извозчики, 12—15 человѣкъ. Спятъ на нарахъ, шириною около аршина на каждого. На каждого около одной куб. и квад. саж. Во второй комнатѣ помѣщается содержатель артели съ женой. Въ кухнѣ живетъ кухарка. Квартира содержится довольно опрятно. За квартиру платятъ 40 р. безъ дровъ, съ конюшнями на тридцать ставокъ.

Это образцы квартиръ, нанимаемыхъ хозяиномъ для артели. Слѣдующее описаніе касается квартиръ, даваемыхъ домовладельцемъ своей артели.

Санитарный врачъ Васильевской части, д-ръ Альбовъ, даетъ слѣдующее описаніе такой квартиры.

Квартира помѣщается въ первомъ этажѣ деревяннаго дома, содержимаго неопратно, состоитъ изъ пяти комнатъ и кухни. Ходъ изъ сѣней. Простое отхожее мѣсто въ корридорѣ и общее на дворѣ. Есть водопроводъ. Шестъ оконъ на улицу, четыре на дворъ. Двѣ круглыхъ, двѣ русскихъ и одна голландская печь. Три форточки и три вентилятора. Въ четырехъ комнатахъ стѣны оклеены обоями, а въ одной и въ кухнѣ выкрашены клеевой краской. Квартира раздѣляется на два помѣщенія. Одно предназначено для рабочихъ—ломовыхъ извозчиковъ, а другое для самого хозяина.

Первое состоитъ изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ помѣщается двадцать человѣкъ. Спятъ на нарахъ, 14 вершковъ ширины и $2\frac{1}{2}$ аршина длины. Въ одной комнатѣ освѣщеніе

плохое. На каждого приходится половина кубической и квадратной сажени. Второе помѣщеніе состоитъ изъ трехъ комнатъ и занимается хозяйской семьей (четыре человѣка). Пять оконъ на улицу. Свѣта и воздуха много.

Здѣсь домовладелецъ живетъ въ одной квартирѣ со своими рабочими и мы видимъ между обоими помѣщеніями рѣзкую разницу. На хозяйской половинѣ на каждого болѣе трехъ кубическихъ сажень и много свѣта, а въ комнатахъ рабочихъ недостатокъ свѣта и воздуха. Въ хозяйскихъ комнатахъ—кровати, а для рабочихъ нары 14 вершковъ ширины и $2\frac{1}{2}$ аршина длины.

Слѣдующее описаніе касается артели ломовыхъ извозчиковъ, живущихъ въ квартирѣ безъ хозяина-домовладельца.

Квартира помѣщается въ первомъ этажѣ деревяннаго, грязно содержимаго дома, состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Кухня разгорожена перегородкой, не доходящей до потолка, на столовую и кухню. Ходъ черезъ кухню изъ сѣней. Общее простое отхожее мѣсто на дворѣ. Воду носить дворникъ изъ водопровода, хранится въ квартирѣ въ кадкахъ. Стѣны и потолокъ носятъ слѣды сырости. Въ квартирѣ шесть оконъ, изъ которыхъ два выходятъ въ корридоръ къ отхожему мѣсту. Освѣщеніе недостаточное. Двѣ русскихъ и одна круглая печь. Одна форточка и два вентилятора. Въ каждой комнатѣ помѣщается по десяти человѣкъ. На каждого приходится половина кубической и половина квадратной сажени. Въ комнатахъ двѣ кровати и нары. На каждой кровати спятъ по два человѣка, а на нарахъ приходится 15—18 вершковъ ширины на каждого.

Вторая квартира отличается отъ первой тѣмъ, что расположена около отхожаго мѣста, къ которому выходятъ окна. Слѣдовательно, въ эту квартиру могутъ безпрепятственно проникать миазмы и заражать комнатный воздухъ. Очевидно, до-

мовладѣлец не могъ найти у себя худшей квартиры для помѣщенія своей артели.

Санитарный врачъ Александровской части, д-ръ Прокоповичъ, даетъ нѣсколько любопытныхъ описаній квартиръ, занимаемыхъ рабочими съ Невской бумагопрядильни.

Квартира помѣщается во второмъ этажѣ стараго каменнаго двухъэтажнаго дома, въ которомъ находится до двадцати квартиръ. Она состоитъ изъ трехъ комнатъ и кухни. Ходъ черезъ кухню. Вода доставляется изъ Невы въ бочкахъ, хранится въ кухнѣ въ ушатѣ. Ушатъ содержится грязно. Простое отхожее мѣсто на лѣстницѣ. Въ квартирѣ шесть оконъ. Свѣту достаточно. Въ комнатахъ есть форточки, въ кухнѣ нѣтъ. Двѣ голландскихъ печи и русская. Стѣны выкрашены клеевой краской и носятъ слѣды сырости. Плата за квартиру 24 р. 50 к. безъ дровъ. Въ ней живетъ 29 человѣкъ: 24 мужч. и 5 женщинъ. Въ первой комнатѣ живетъ 10 чел., спятъ на пяти кроватяхъ, во второй и третьей по шести человѣкъ и по три кровати. Въ кухнѣ семь человѣкъ и четыре кровати. На каждого живущаго въ квартирѣ приходится около 0,8 куб. и 0,6 кв. саж. Плата за кровать 3 р. съ услугой.

По замѣчанію санитарнаго врача, такихъ квартиръ въ этомъ домѣ нѣсколько и взята типичная.

Такія квартиры расположены по правой сторонѣ лѣстницы, а по лѣвой находятся другого рода, типомъ которыхъ будетъ служить слѣдующая.

Квартира находится въ четвертомъ этажѣ. Состоитъ изъ двухъ комнатъ, кухни и корридора. Простое отхожее мѣсто на лѣстницѣ. Воду возитъ дворникъ изъ Невы въ бочкахъ. Вода хранится въ бакѣ, который содержится плохо. Въ квартирѣ три окна, выходящихъ къ отхожему мѣсту и къ помойной ямѣ. Свѣту достаточно. Въ комнатахъ и кухнѣ есть форточки. Одна

голландская и одна русская печь. Въ комнатахъ стѣны оклеены обоями, а въ кухнѣ и въ корридорѣ выкрашены клеевой краской; стѣны въ углахъ и подъ окнами сыры. Затхлый и сырой воздухъ. Плата за квартиру 14 р. безъ дровъ.

Въ этой квартирѣ живутъ преимущественно семейные рабочіе съ Невской бумагопрядильни. Всего 15 чел. (6 мужч., 6 женщ., и 3 дѣт.). Въ каждой комнатѣ помѣщается по двѣ семьи (4 и 6 чел.). Въ кухнѣ помѣщается четыре человѣка, а въ темномъ корридорѣ одна женщина. На каждого живущаго въ квартирѣ приходится 0,5—1,0 куб. и 0,4—0,8 кв. саж. Въ первой комнатѣ и въ кухнѣ плата за кровать 3 р. 50 к., а во второй 4 р., въ корридорѣ 3 р. Очевидно, во второй комнатѣ плата дороже, потому что тамъ больше дѣтей и просторнѣе.

По замѣчанію санитарнаго врача, въ этой квартирѣ плата за углы дороже, потому что здѣсь въ комнатахъ просторнѣе и не такъ много набивается жильцовъ. Кромѣ того, квартира находится близко около фабрики. Вообще, говоритъ д-ръ Прокоповичъ, за помѣщеніе, находящееся поближе къ фабрикѣ, платится дороже. Если плата одинакова, то самое помѣщеніе тѣснѣе и грязнѣе.

Такимъ образомъ у насъ имѣются двѣ типичныхъ квартиры въ одномъ и томъ же домѣ и по одной лѣстницы: {одна для семейныхъ, а другая для одинокихъ.

Тотъ же санитарный врачъ даетъ слѣдующее описаніе одной квартиры въ другомъ домѣ, съ которой сходны тринадцать квартиръ этого дома.

Квартира находится въ третьемъ этажѣ стараго каменнаго дома, населеннаго заводскими рабочими. Состоитъ изъ трехъ комнатъ, кухни и корридора. Въ квартирѣ водопроводъ и ватерклозетъ. Двѣ голландскихъ печи и плита. Шестъ оконъ выходятъ на дворъ къ помойной ямѣ. Четыре форточки. Освѣ-

щения достаточно. Въ комнатахъ и въ кухнѣ стѣны оклеены обоями, а въ корридорѣ выкрашены клеевой краской. Стѣны сыры, особенно подъ окнами. Въ квартирѣ зловоніе отъ помойной ямы и отъ грязнаго двора. Плата 19 р. безъ дровъ.

Въ квартирѣ помѣщается 23 чел. заводскихъ рабочихъ, преимущественно одинокіе (20 мужч., 2 женщ., 1 реб.). Въ первой комнатѣ живетъ девять мужчинъ, спятъ на пяти кроватяхъ; во второй пять мужчинъ и три кровати. Въ кухнѣ семья, состоящая изъ трехъ человекъ, и двѣ кровати. Въ корридорѣ одинъ человекъ и двѣ кровати. На каждого живущаго приходится около полкубической сажени воздуха. Плата за кровать въ комнатахъ и въ кухнѣ 3 р., а въ корридорѣ 2 р.

«Въ этомъ домѣ, говоритъ д-ръ Прокоповичъ, находится тринадцать квартиръ, во всемъ совершенно идентичныхъ съ описанными. Кровати самаго примитивнаго устройства; на козлахъ положены три-четыре доски; постели—мѣшки, набитые соломой, иногда мочалой; подъ каждой кроватью по два сундука съ вещами жильцовъ. На кроватяхъ спятъ по двое, слѣдовательно, каждый платитъ 1 р. 50 к. Въ эту плату входитъ: 1) стирка бѣлья (4 рубахи, 4 пары подштанниковъ, 4 полотенца и 4 пары онучей), 2) уборка комнаты и 3) варка пищи; провизія, конечно, покупается жильцами. Освѣщеніе тоже пріобрѣтается послѣдними. Въ комнатахъ около печи протянуты веревки для просушки мелкихъ вещей. Въ стѣны вбито множество гвоздей разной величины; на нихъ висятъ шубы, сапоги, полотенца, разные узлы и т. д. Если въ углу поселился одинъ жилецъ, то платитъ два рубля въ мѣсяцъ со стиркой бѣлья и варкой пищи. Цѣны угловъ одинаковы и въ комнатахъ, и въ кухнѣ, въ корридорѣ же дешевле. Лучшими считаются кровати (углы) у оконъ. Онѣ занимаютъ жильцами дольше живущими, тѣми, кто раньше нанялъ уголь; позднѣе въѣхавшій занимаетъ

худшее помѣщеніе и затѣмъ постепенно переходитъ ближе къ окну. Мебель каждой комнаты состоитъ изъ большого стола и скамьи и находится въ общемъ пользованіи. Нѣкоторые жильцы имѣютъ свои табуреты. Семейные завѣшиваются ситцевыми пологами».

Предполагая, что въ каждой изъ этихъ тринадцати квартиръ живетъ приблизительно около двадцати человекъ, мы будемъ имѣть 260 человекъ, живущихъ въ помѣщеніяхъ, подобныхъ только что описанному. На каждого обитателя полкубической сажени воздуха. На одной кровати спятъ по двое. Въ этой же квартирѣ стираютъ и сушатъ мокрое бѣлье и готовятъ пищу на двадцать человекъ. Въ этихъ переполненныхъ людьми комнатахъ хранится грязное платье и бѣлье, хранится вся одежда. Въ эти квартиры проникаетъ зловоніе отъ ретирадъ и грязнаго двора. Мудрено въ такихъ жилищахъ искать чистотности и чистаго воздуха. Въ квартирѣ есть форточки во всѣхъ комнатахъ и въ кухнѣ. Но къ чему служатъ форточки при такихъ условіяхъ, когда въ комнатахъ на каждого приходится полкубической сажени, а на дворѣ господствуютъ міазмы? Вентиляціи при помощи форточекъ бываетъ недостаточно и въ болѣе благоустроенныхъ жилищахъ, а здѣсь форточки почти совсѣмъ бесполезны. Открывъ форточку въ такой квартирѣ, живущіе не только не освѣжаютъ воздуха, но впускаютъ въ комнату міазмы съ грязнаго и зловоннаго двора.

Въ описаніи различныхъ квартиръ очень часто упоминается о томъ, что одинокій рабочий не имѣетъ отдѣльной кровати. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ его распоряженіи находятся не цѣлая кровать, а полкровать. Въ комнатѣ помѣщается шесть—десять человекъ, а кроватей три-пять. Изъ 205 одинокихъ только восемнадцать человекъ спали на отдѣльной кровати.

Спать вдвоемъ на одной кровати и неряшливо и нездо-

рово. Совмѣстное спанье служитъ однимъ изъ способовъ распространения заразныхъ болѣзней. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ рабочіе, къ неряшеству и заразѣ слѣдуетъ прибавить еще другія неудобства. Сдавая полкровати, хозяинъ, конечно, не станетъ спрашивать жильца, кого взять ему въ товарищи, и возьметъ перваго попавшагося. Въ одномъ мѣстѣ мы объяснили, что полкровати сдается такимъ же образомъ, какъ цѣлая комната и вся квартира, при помощи билетика. Полкровати нанимаетъ каждый, кто сойдется съ хозяиномъ въ условіяхъ. Такимъ образомъ трезвому и чистоплотному въ товарищи можетъ попасть пьяница и неряха, порядочному и скромному — развращенный и безшабашный. Какова будетъ жизнь лучшаго изъ нихъ при такомъ близкомъ сосѣдствѣ, каждый можетъ себѣ представить. По всей вѣроятности, одна кровать на двоихъ служитъ немалымъ источникомъ разнаго зла, ссоръ и неприятностей, которыя разрушительно дѣйствуютъ на духовное здоровье рабочихъ. Часто такія, повидимому, ничтожныя причины поражаютъ большія послѣдствія, особенно если они многочисленны. Уничтоженіе обычая сдавать полкровати несомнѣнно должно было бы благотворно повліять на духовное и физическое здоровье рабочихъ.

Огромное большинство одинокихъ петербургскихъ рабочихъ спать вдвоемъ на одной кровати—это дико и странно должно показаться тому, кто привыкъ видѣть, что каждый взрослый имѣетъ отдѣльную постель. Но въ Петербургѣ существуетъ еще болѣе удивительное явленіе, нежели полкровати,—это полное отсутствіе кроватей и спанье на рабочихъ инструментахъ. Ниже слѣдуетъ описаніе такихъ жилищъ, доставленное докторомъ Лещинскимъ, санитарнымъ врачомъ Спасской части. Эти жилища находятся въ домѣ кн. Вяземскаго, который описывается имъ слѣдующимъ образомъ.

Домъ кн. Вяземскаго выходитъ фасадомъ на Забалканскій проспектъ и набережную рѣки Фонтанки, по городской табели имѣетъ нумерацію 4 и 6 по Забалканскому проспекту и 95 по Фонтанкѣ. Онъ состоитъ изъ шести отдѣльныхъ жилыхъ корпусовъ и одного ветхаго, незаятаго. Подъ этими постройками находится 2466 кв. саж. земли. Въ пяти занятыхъ корпусахъ насчитывается нѣсколько тысячъ жителей обоого пола, разныхъ профессій: торговцы и торговки въ разнось, чернорабочіе, нищія, лица, живущія пенсіей и пособіями отъ разныхъ благотворительныхъ учреждений, каменщики, плотники, маляры, штукатуры, корзинщики и др. и часть пролетаріата, находящагося на иждевеніи родственниковъ и знакомыхъ. Въ лицевомъ корпусѣ со стороны Забалканскаго проспекта находятся торговыя бани, двѣ портерныхъ лавки, трактиръ, мучной лавазъ, мелочная лавка, двѣ квасныхъ, три сельдяныхъ, ренсковый погребъ, молочная лавка, постоянный дворъ, нѣсколько ледниковъ и кладовыхъ, арендуемыхъ торговцами съ Сѣнной площади; въ этомъ же дворѣ имѣются четыре склада для покупки и продажи бумажныхъ обрѣзковъ. Во флигелѣ, выходящемъ на Фонтанку, находится типографія, дѣйствующая газомоторомъ, при шести скоропечатныхъ машинахъ. Изъ мастерскихъ въ домѣ имѣются: мѣднокотельная, жестяная, слесарная, столярная, двѣ корзиночныхъ и мебельная. Имѣются также одиночки легковыя и ломовыя извозчики. У содержателя постоялаго двора до 25 ломовыхъ закладокъ. Зимой на этомъ дворѣ останавливаются пригородные крестьяне, прибывающіе въ столицу для сбыта деревенскихъ продуктовъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ домъ кн. Вяземскаго и надо сознаться, что онъ представляетъ изъ себя много характернаго для жилищъ рабочихъ. Мы находимъ въ этомъ домѣ двѣ портерныхъ, трактиръ, ренсковый погребъ, три сельдяныхъ лавки,

двѣ квасныхъ, мелочную, молочную—вообще такія торговыя заведенія, которыя показываютъ, что обитатели дома любятъ выпить, а питаются чѣмъ Богъ послалъ.

Возьмемъ теперь описаніе нѣсколькихъ квартиръ этого дома.

1) Типъ угловой квартиры, гдѣ проживаютъ кустари.

Квартира помѣщается въ корзиночномъ флигелѣ въ первомъ этажѣ. Состоитъ изъ трехъ комнатъ, нѣтъ ни кухни, ни прихожей. Отхожее мѣсто, общее для двухъ квартиръ, помѣщается въ сѣняхъ. Водопровода нѣтъ. Вода доставляется дворниками изъ чана на дворѣ. Въ двухъ комнатахъ стѣны оклеены обоями, третья выкрашена клеевой краской. Чугунка, русская и голландская печь. Одна комната безъ печи и безъ окна. Три окна на дворѣ. Двѣ фортки. Свѣту въ двухъ комнатахъ достаточно. Стѣны у оконъ носятъ слѣды сырости. Плата 31 рубль безъ дровъ.

Въ этой квартирѣ живутъ кустари корзинщики, которые работаютъ здѣсь же. Всего 17 человекъ: хозяинъ съ женой и 15 мужчинъ. Изъ нихъ девять работаетъ на себя, а шесть на хозяина.

Въ первой комнатѣ помѣщается тринадцать человекъ. Кроватей нѣтъ. Спятъ на верстакахъ. Во второй мужъ съ женой, а въ третьей двое рабочихъ, которые спятъ на одной кровати. На каждого живущаго въ квартирѣ приходится немного болѣе $1\frac{1}{2}$ куб. саж. воздуха. Работающіе на себя платятъ 2 р. 50 к. за мѣсто, на которомъ стоитъ рабочій верстакъ. Въ первой комнатѣ русская печь и она служитъ кухней. Въ ней же работаетъ хозяинъ съ двумя взрослыми рабочими и четырьмя учениками и остальные девять кустарей.

2) Квартира также кустарей - корзинщиковъ. Она состоитъ изъ двухъ квартиръ, заключающихъ въ себѣ три комнаты и кухню. Помѣщается въ первомъ этажѣ. Девять оконъ выходятъ

на дворъ. Три форточки и вытяжная труба. Свѣту мало. Водопровода нѣтъ. Воду носитъ дворникъ изъ чана на дворѣ. Чанъ содержится не всегда удовлетворительно. Въ корридорѣ отхожее мѣсто, общее для четырехъ квартиръ. Двѣ голландскихъ печи, одна русская, двѣ чугунки и плита. Стѣны выкрашены клеевой краской. Плата за обѣ квартиры 62 р. въ мѣсяцъ.

Въ квартирѣ живетъ хозяинъ съ женой и сыномъ и 33 рабочихъ, изъ которыхъ одиннадцать моложе двѣнадцати лѣтъ. Въ первой комнатѣ живетъ восемнадцать человекъ, во второй—восемь, въ третьей—семь. Хозяинъ съ женой и сыномъ помѣщается въ кухнѣ. На каждого живущаго приходится около половины куб. саж. воздуха.

Изъ 33 чел. хозяину платятъ за помѣщеніе четверо, по 2 р. 50 к. съ верстака.

«Въ означенныхъ двухъ квартирахъ, говоритъ д-ръ Лецинскій, занимаемыхъ однимъ хозяиномъ, помѣщается большая корзиночная мастерская одного хозяина, который пускаетъ къ себѣ кустарей - корзинщиковъ, платящихъ ему по 2 р. 50 к. съ верстака, на которомъ спятъ, ѣдятъ, работаютъ и вообще проживаютъ. Самый же верстакъ имѣетъ всего $1\frac{1}{2}$ квадр. арш. Такъ какъ на немъ невозможно улечься взрослому, то къ такому верстаку придѣлываютъ изъ досокъ изголовье или просто придвигаютъ другой маленькій верстакъ. Рваное тряпье и полушубки, служащіе постельными принадлежностями, хранятся на досчатыхъ полатяхъ, устроенныхъ въ самыхъ мастерскихъ, а равно и на русскихъ печахъ».

Такимъ образомъ мы узнаемъ поразительный фактъ, что въ Петербургѣ находятся люди, и по всей вѣроятности такихъ не мало, которые принуждены жить на пространствѣ $1\frac{1}{2}$ квад. арш. И среди нихъ есть дѣти до двѣнадцати лѣтъ. Кажется, чего ужъ хуже полкровати и наръ, а это оказывается еще худшимъ.

Таковы угловые и артельные квартиры кустарей. Семейныя оказываются немногимъ лучше, что можно видѣть изъ слѣдующаго описанія.

3) Квартира находится въ третьемъ этажѣ того же дома. Состоитъ изъ одной комнаты и кухни. Оконъ два. Выходятъ къ отхожему мѣсту и помойной ямѣ. Одна форточка. Въ корридорѣ простое отхожее мѣсто, общее для двухъ квартиръ. Есть водопроводъ. Печи нѣтъ. Одна только плита. Въ комнатѣ стѣны оклеены обоями, а въ кухнѣ окрашены клеевой краской. На стѣнахъ слѣды сырости. Плата за квартиру 8 р. безъ дровъ.

Въ комнатѣ живетъ хозяинъ портной съ женой и ученикомъ, а въ кухнѣ обойщикъ съ женой. На каждого около одной куб. и квад. сажени. Работаютъ въ той же комнатѣ, гдѣ спятъ. Ученику постель не полагается. Жильцы платятъ три рубля за уголь.

4) Типъ квартиры, гдѣ живутъ пріѣзжіе, угловые жильцы и артель.

Квартира помѣщается во второмъ этажѣ, рядомъ съ банями. Ходъ черезъ прихожую. Состоитъ изъ десяти комнатъ, кухни, прихожей и корридора. Простое отхожее мѣсто въ квартирѣ въ корридорѣ. Есть водопроводъ, 16 оконъ, выходящихъ на дворъ и въ проулокъ. Три голландскихъ печи и плита. Двѣ комнаты безъ печей. Семь форточекъ, одна вертушка и одна вытяжная труба. Въ трехъ комнатахъ стѣны оклеены обоями, въ остальныхъ помѣщеніяхъ окрашены клеевой краской. Плата 200 р. въ мѣсяцъ безъ дровъ съ конюшнями.

Квартирный хозяинъ содержитъ постоянный дворъ, артель ломовыхъ извозчиковъ съ конюшнями и отдаетъ комнаты подъ углы.

Все помѣщеніе распредѣляется такимъ образомъ. Въ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ одна безъ оконъ, и въ кухнѣ помѣ-

щаются ломовые извозчики. Живетъ въ нихъ 25 чел. (22 муж., 2 жен. и 1 реб.), изъ которыхъ пять помѣщается въ темной комнатѣ. Спятъ все на нарахъ, 13 верш. ширины и 2¹/₂ арш. длины. На нарахъ же спятъ обѣ женщины и ребенокъ. На каждого около полукубической и полквдратной сажени.

Двѣ комнаты отдаются подъ углы. Въ нихъ живетъ двадцать человѣкъ, въ томъ числѣ шесть женщинъ. Кроватей десять. На каждого около полкуб. и полкв. сажени. Плата 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Двѣ комнаты назначены для пріѣзжихъ. Устроены нары по 15 верш. ширины и 2¹/₂ арш. длины, всего 24 мѣста. Плата 15 коп. въ сутки.

Въ четырехъ комнатахъ, изъ которыхъ двѣ безъ оконъ, живетъ семья хозяина, четыре человѣка.

Если представимъ себѣ, что все 24 мѣста заняты пріѣзжими на ночевку, то въ шести комнатахъ будетъ находиться 69 чел., изъ которыхъ на каждого приходится около полукубической сажени воздуха. Можно представить себѣ, какимъ ужаснымъ воздухомъ должны дышать живущіе въ этой квартирѣ.

Изъ вышеприведеннаго описанія мы видимъ, что въ этой квартирѣ въ самыхъ худшихъ условіяхъ живетъ артель ломовыхъ извозчиковъ. Для угловыхъ жильцовъ кровати, для пріѣзжающихъ нары въ 15 верш. ширины, а для артели нары шириной 13 верш. Вообще петербургскія артели, особенно содержимыя хозяиномъ, живутъ, повидимому, въ самыхъ худшихъ условіяхъ и Петербургу слѣдовало бы обратить на нихъ особенное вниманіе и подвергнуть ихъ строгому надзору.

Приведемъ описаніе еще одной квартиры въ томъ же домѣ, въ которой сдаются углы.

5) Типъ угловой квартиры, занятой семейными и одинокими.

Квартира помѣщается въ третьемъ этажѣ во флигелѣ. Входитъ въ квартиру черезъ прихожую. Двѣ комнаты, кухня, прихожая и корридоръ, общій для трехъ квартиръ. Водопровода нѣтъ. Воду носитъ дворникъ изъ водопровода на дворѣ. Вода хранится въ кадкѣ, которая содержится грязно. Въ квартирѣ пять оконъ, три въ комнатахъ на улицу, одно въ прихожей, на дворѣ. Разстояніе послѣдняго отъ противоположной стѣны два аршина. Слѣдовательно, освѣщеніе не удовлетворительное. Въ кухнѣ окно выходитъ въ корридоръ, темно. Форточки есть во всѣхъ комнатахъ. Въ квартирѣ три голландскихъ и одна русская печь. Въ комнатахъ стѣны оклеены обоями, а въ кухнѣ и прихожей выкрашены клеевой краской. Плата 37 руб. безъ дровъ.

Въ этой квартирѣ помѣщаются только угловые жильцы, семейные и одинокіе. Здѣсь живутъ торговцы шарами, пѣвчими птицами, разносчики съѣстныхъ припасовъ, ягодуники, селедочницы, торговки мелочью, поденщики. Всего помѣщается 46 человѣкъ; 24 мужч., 15 жен. и 7 дѣтей. Живутъ въ комнатахъ, въ кухнѣ и прихожей. Кроватей двадцать. На каждого около половины кубической и около трети квадратной сажени. Каждый взрослый платитъ 1 р. 50 к. Дѣти помѣщаются бесплатно.

Въ такихъ квартирахъ живутъ тѣ уличные разносчики, которые продаютъ селедки, ягоды, шары и разную мелочь. Такъ какъ разносчикъ не всегда продаетъ все въ одинъ день, то ему приходится непроданное ночью держать въ своей квартирѣ. Но гдѣ хранить все это въ такомъ помѣщеніи, гдѣ на каждого приходится треть квадратной сажени и которое почти все сплошь уставлено кроватями? Трудно приискать болѣе удобное мѣсто, нежели подъ кроватью. Подъ кроватью и берегутъ все то, что осталось непроданнымъ.

Условія подобныхъ квартиръ должны помнить всѣ тѣ, ко-

торые покупаютъ что-либо у уличныхъ разносчиковъ. Мать покупаетъ ребенку воздушный шаръ. Этотъ шаръ находился въ грязномъ и тѣсномъ жилищѣ, гдѣ ютится всевозможная зараза. Этотъ шаръ можетъ быть зараженъ и его надо прежде подвергнуть тщательной дезинфекціи, а потомъ уже дать ребенку. Но мы видимъ, что шаръ какъ купится, такъ сейчасъ же и дается дѣтямъ. А потомъ оказывается, что ребенокъ заболѣлъ scarlatina или дифтеритомъ, и мы не можемъ придумать, откуда онъ захватилъ заразу. То же слѣдуетъ сказать и относительно съѣстныхъ припасовъ. Мать покупаетъ ягоды или плоды съ уличнаго лотка и тутъ же даетъ дѣтямъ. Эти ягоды и плоды переночевали одну, а можетъ быть и нѣсколько ночей подъ кроватью въ грязной угловой квартирѣ. Если въ этой квартирѣ есть зараза, то дѣти или взрослые заболѣваютъ.

Въ публикѣ очень распространенъ обычай покупать съ уличныхъ лотковъ. Въ виду этого улучшеніе угловыхъ жилищъ и строгій надзоръ за ними представляется прямо вопросомъ общественнаго здоровья.

Въ домѣ кн. Вяземскаго насчитываютъ болѣе трехъ тысячъ жителей. Если не всѣ, то во всякомъ случаѣ огромное большинство обитателей этого дома живетъ въ помѣщеніяхъ, подобныхъ вышеописаннымъ. Множество жильцовъ, малое кубическое содержаніе воздуха, ничтожная квадратная площадь пола на каждого, тѣснота, духота, сырость, нары, двое на одной кровати, жизнь на верстагахъ—вотъ при какихъ условіяхъ живетъ это трехтысячное населеніе.

Обыкновенно указываютъ на домъ кн. Вяземскаго, какъ на самое худшее жилище во всемъ Петербургѣ. Но это несправедливо. Какъ мы видѣли выше, вслѣдствіе въ Петербургѣ находится ужасныя жилища. Мы ихъ находимъ въ Петербургской, Выборгской, Васильевской, Александро-Невской и Спасской ча-

стяхъ. Вездѣ жилища рабочихъ нисколько не лучше дома князя Вяземскаго. Есть даже хуже. Вспомнимъ вышеописанный чердачекъ, гдѣ на каждого человѣка приходится менѣе трети куб. саж. По переполненію жильцами и по плохому освѣщенію онъ перещеголялъ жилища въ домѣ князя Вяземскаго. Вышеописанныя квартиры съ цѣлыми семьями въ темныхъ кухняхъ также свидѣтельствуютъ, что о домѣ Вяземскаго, какъ о самомъ худшемъ жилищѣ во всемъ Петербургѣ, составилось ложное представленіе. Подобныхъ жилищъ и даже худшихъ въ Петербургѣ множество, и если бы въ немъ произвести изслѣдованіе квартиръ въ обширныхъ размѣрахъ, то блестящая снаружы столица показала бы себя съ очень непривлекательной стороны.

Въ Петербургѣ существуетъ обычай сдавать уголь для цѣлой семьи. Такъ какъ въ углу можетъ помѣститься только одна кровать, то на ней приходится спать цѣлой семьѣ. Семейная кровать, обыкновенно, завѣшивается пологомъ, которая служитъ вмѣсто перегородки. Въ 39 квартирахъ семейныхъ кроватей было 26. На одной кровати помѣщалось отъ двухъ до пяти человѣкъ.

Насколько нормальна можетъ быть жизнь семьи при такихъ условіяхъ, предоставляю судить каждому.

27 разъ семья помѣщалась въ отдѣльныхъ комнатахъ. Такія семейныя комнаты отличаются вообще микроскопическими размѣрами. Въ нихъ также бываетъ только по одной кровати и помѣщается отъ двухъ до семи человѣкъ. Такая семейная комната имѣетъ одно только преимущество передъ угломъ—это деревянную перегородку вмѣсто ситцеваго полога. Благодаря деревянной перегородкѣ семья чувствуетъ себя хотя нѣсколько изолированной отъ остальныхъ обитателей квартиры.

Иногда микроскопическую отдѣльную комнату занималъ

и одинокій. Это было пять разъ. Такіе счастливыцы должны считаться привилегированными среди остальныхъ.

Плата за комнату, за уголь, за нару представляеть для насъ большой интересъ. Свѣдѣнія объ этомъ доставлены нѣкоторыми санитарными врачами, собраны докторомъ Сланской по моей просьбѣ и мною при ея содѣйствіи.

Прежде всего мы должны отмѣтить тотъ интересный фактъ, что жилища рабочихъ на окраинахъ нисколько не дешевле ихъ жилищъ въ центрѣ столицы. Мы знаемъ, что жилища, занимаемыя болѣе состоятельными людьми, въ центрѣ дороже, а на окраинахъ дешевле. Относительно жилищъ рабочихъ этого нельзя сказать. Выше было приведено замѣчаніе санитарнаго врача, Александро-Невской части, который указываетъ на то, что жилища рабочихъ удорожаются по мѣрѣ приближенія къ фабрикѣ или къ заводу. Каждая фабрика и каждый заводъ служатъ центромъ, который увеличиваетъ цѣнность жилища. Это и понятно. При существующихъ условіяхъ фабричнаго труда, который отнимаетъ большую часть дня у рабочихъ и даетъ только короткіе промежутки для приѣма пищи, рабочей стремится поселиться поближе къ мѣсту своей работы, чтобы не тратить много времени на ходьбу и имѣть возможность обѣдать дома. Этимъ пользуются домовладѣльцы и квартирохозяева и берутъ дороже за помѣщеніе.

Выше была приведена также замѣтка санитарнаго врача Петербургской части, изъ которой видно, что близость угла къ источнику дневнаго свѣта также оказываетъ вліяніе на плату: мѣсто около окна оплачивается вмѣсто двухъ рублей тремя съ одного и пятью съ двоихъ.

Подробные свѣдѣнія о платѣ извѣстны относительно 38 семей (135 чел.), живущихъ въ комнатахъ, и 66 семей (428 чел.), занимающихъ углы. Кромѣ того, имѣются свѣдѣнія о 249 че-

ловѣкъ одинокихъ. Изъ нихъ отдѣльную комнату занимало семь человекъ, отдѣльную кровать 18 чел., кровать на двоихъ 187 чел., спали на нарахъ 24 чел. и на верстакахъ 13 чел.

Плата за комнату семейныхъ была 4—12 р., чаще (20 разъ), 5—6 р. въ мѣсяцъ. Въ комнатѣ помѣщалось 2—7 чел., чаще 3—5 чел. (25 разъ).

Плата за кровать семьи 1 р. 10—4 р. 50 к., чаще 3 р. (26 разъ). На одной кровати помѣщались 2—5 чел., чаще 2—3 чел. (21 разъ).

Одинокіе платили за комнату 3—4 р. Кровать для одного стоила 1—3 р., чаще 3 р. (8 разъ). Плата за полкровать 1—2 р., чаще 1 р. 50—1 р. 60 к. (158 разъ). Плата за мѣсто на нарахъ 1 р. 35 к., а на верстакахъ 2 р. 50 к.

Квартирная плата въ разныхъ частяхъ города представляла изъ себя нѣкоторую разницу. Въ Спасской части за кровать для семейныхъ платили 3 р., и дръ Лещинскій замѣчаетъ, что дѣти не считаются; въ Александро-Невской 2—4 р., чаще 3—3 р. 50 к., за дѣтей плата увеличивается; въ Васильевской 2—3 р., въ Петербургской 3 р., въ Выборгской 1 р. 10 к.—4 р. 50 к., чаще 3—3 р. 50 к. Дѣти увеличиваютъ плату.

Полкровать во всѣхъ частяхъ стоило 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. а на Выборгской нѣрѣдко 1 р. 60—1 р. 70 к. По всей вѣроятности, эта разница зависитъ отъ того, что въ Выборгской части собрано было гораздо больше свѣдѣній, нежели въ другихъ частяхъ. Такимъ образомъ оказывается, что на окраинахъ квартиры для рабочихъ не только не дешевле, но, пожалуй даже дороже, нежели въ центрѣ.

Для одинокихъ въ квартирную плату постоянно входитъ стирка бѣлья, приготовленіе пищи и уборка комнатъ. Такъ что, собственно говоря, квартирная хозяйка получаетъ плату съ

рабочихъ скорѣе за свой трудъ, нежели за жилище. Возьмемъ, напр., квартиру, въ которой живетъ артель заводскихъ черно-рабочихъ. Въ квартирѣ помѣщается двадцать человекъ одинокихъ. Платятъ по 1 р. 60 к. каждый, всего 32 р. Кромѣ того, въ кухнѣ живетъ двѣ семьи, плата 3 р. съ каждой. Слѣдовательно, хозяйка получаетъ 38 р. въ мѣсяцъ. Сама она платитъ за квартиру 16 р. безъ дровъ. Если прибавить на дрова рубля четыре въ мѣсяцъ, то квартира стоитъ хозяйкѣ 20 р. и ей остается 18 р. Но если представить себѣ, что она должна на двадцать человекъ выстирать бѣлье, приготовить хотя и незатѣйливое кушанье и убрать комнаты, то едва ли мы скажемъ, что она дорого беретъ съ своихъ жильцовъ. Кромѣ того, не всегда бываютъ заняты всѣ кровати и ей приходится получать меньше, а за квартиру платить столько же. Судя по тому, что въ жилищахъ рабочихъ квартирные хозяева часто ютятся въ самыхъ дурныхъ комнатахъ и углахъ, трудно думать, что отъ содержанія жильцовъ они получаютъ особенныя выгоды. Напр., хозяева вышеупомянутой квартиры съ ребенкомъ помѣщались въ полутемной кухнѣ, гдѣ, кромѣ ихъ, ютились еще двѣ семьи. И такіе факты мы встрѣчаемъ сплошь и рядомъ. Это не то, что домовладѣлецъ. Выше было приведено описаніе квартиръ двухъ артелей, содержимыхъ домовладѣльцами. Въ одной изъ нихъ вмѣстѣ съ артелью живетъ и самъ домовладѣлецъ. Но, засадивъ артель въ двѣ комнаты, гдѣ на каждого приходится менѣе половины куб. сажени, для себя онъ занялъ три комнаты, гдѣ на каждого приходится болѣе трехъ куб. саж. А другой домовладѣлецъ, помѣстивъ артель въ тѣсное жилище, расположенное около отхожаго мѣста, съ окнами, выходящими къ послѣднему, самъ не живетъ здѣсь, а, по всей вѣроятности, выбралъ себѣ не худшую квартиру во всемъ домѣ.

Во время санитарныхъ осмотровъ, предпринятыхъ петер-

бургской санитарной комиссіей въ виду холеры, нѣкоторые санитарные врачи хотѣли выселять жильцовъ изъ слишкомъ переполненныхъ помѣщеній. Но домовладѣльцы этому воспротивились, заявляя, что при уменьшеніи числа жильцовъ квартирные хозяева не соглашаются платить прежней цѣны за квартиры. Судя по тѣмъ условіямъ, въ какихъ живутъ домовладѣльцы и квартирные хозяева, и по количеству труда, ими затрачиваемаго на данную квартиру, для насъ становится яснымъ, въ чью пользу главнымъ образомъ идетъ переполненіе жилищъ рабочихъ.

Для насъ очень интересно знать, какую часть своего заработка тратитъ на свое жилище петербургскій рабочий. По свѣдѣніямъ Сах'а оказывается, что плата за квартиру составляетъ:

Въ Лондонѣ	$\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$	всего дохода рабочаго,
» Берлинѣ	$\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$	» » »
» Парижѣ	$\frac{1}{4}$ —	» » »
» Вѣнѣ	$\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$	» » »

Изъ статистическихъ данныхъ за 1867 годъ д-ръ Швабе нашель, что въ Берлинѣ, чѣмъ больше доходъ семьи, тѣмъ меньшій процентъ она затрачиваетъ на квартиру. Напримѣръ, получающіе 900 мар. платятъ 24%, а получающіе 30,009 мар. платятъ 9,2%. Судя по этому, мы должны думать, что доходъ лондонскаго рабочаго больше, нежели парижскаго или берлинскаго.

Относительно петербургскихъ рабочихъ у меня имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о заработкѣ и о квартирной платѣ, которыя собраны на Выборгской сторонѣ. Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ этихъ свѣдѣній, слѣдующій.

Семейные рабочіе, получающіе 15—20 р. въ мѣсяцъ, платятъ

а комнату 5—6 р. 50 к., а за кровать 2—4 р. Получающіе 25—35 р. въ мѣсяцъ, платятъ 4—9 р. за комнату и 3 р. 25 к. за кровать. Получающій 50—55 р. за комнату платятъ 6—9 р.

Одинокіе, зарабатывающіе 15—20 р., платятъ за квартиру 1 р. 50—1 р. 60 к.

Такимъ образомъ петербургскіе рабочіе уплачиваютъ за квартиру:

Семейные, получающіе 15—20 руб.	33—35%
» » 25—35 »	29—16 »
» » 50—55 »	18—12 »

Это плата за отдѣльную комнату. За кровать семейный рабочий уплачиваетъ 12—20% своего заработка.

Одинокіе, получающіе 12—20 р., затрачиваютъ на квартиру 7,5—10% своего заработка.

Изъ этихъ цифръ видно, что петербургскій рабочий затрачиваетъ на квартиру 7,5—33% своего заработка, и что семейному приходится уплачивать большій процентъ, нежели одинокому. Кромѣ того, оказывается, что въ Петербургѣ повторяется тоже явленіе, которое замѣчено въ Берлинѣ: получающій больше дохода платитъ меньшій процентъ за квартиру.

Общее впечатлѣніе, которое производятъ жилища петербургскихъ рабочихъ, можно выразить коротко такъ. Въ нихъ господствуетъ сырость, грязь, темнота, духота, недостатокъ воздуха и свѣта; часто нѣтъ водопровода и вартеклозета, которые составляютъ необходимую принадлежность каждаго благоустроеннаго жилища. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ тамъ пользуются первобытными ретиродами, которые постоянно служатъ источникомъ загрязненія почвы и зловонія на дворахъ и въ квартирахъ.

Въ тѣхъ жилищахъ, въ которыхъ мнѣ самой приходилось

быть, зловоніе на дворахъ, въ сѣняхъ, на лѣстницахъ составляло обычное явленіе. Черезъ открытыя окна и двери оно безпрепятственно проникало въ комнаты. Это обычное явленіе для бѣдныхъ петербургскихъ квартиръ въ всѣхъ частяхъ города. Санитарный врачъ Александро-Невской части говоритъ, что въ одной изъ четырехъ изслѣдованныхъ имъ квартиръ господствовало зловоніе, источникомъ котораго служило отхожее мѣсто и грязный дворъ. Санитарный врачъ Васильевской части въ своемъ отчетѣ за 1893 годъ замѣчаетъ, что простыя отхожія мѣста при квартирахъ и общіе ретпруды на дворахъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне неопрятны и распространяютъ около себя сильное зловоніе. Думскій врачъ Рождественской части въ своемъ отчетѣ за тотъ же годъ говоритъ, что въ Консисторской улицѣ нечетные номера всѣхъ домовъ, за исключеніемъ каменныхъ, на заднихъ дворахъ отличаются такой грязью и вонью, что для прохода въ квартиру больного приходится зажимать носъ платкомъ.

Моя думская практика.

(Очеркъ изъ быта рабочаго населенія въ Петербургѣ).

Случайно нѣкоторое время мнѣ пришлось остаться за думскаго врача на одной изъ петербургскихъ окраинъ. Мои пациенты были преимущественно изъ среды бѣднаго заводскаго и фабричнаго населенія, которое живетъ по угламъ, комнатамъ, содержитъ квартиру съ жильцами и очень рѣдко занимаетъ послѣднюю безъ постороннихъ лицъ.

Въ то время, когда я исправляла должность думскаго врача, свирѣпствовала эпидемія кори, которая унесла не мало жертвъ изъ среды моихъ пациентовъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ причиной ихъ смерти были такія жизненные условія, которыхъ я въ качествѣ врача, а родители моихъ маленькихъ больныхъ, въ качествѣ близко заинтересованныхъ лицъ, не въ состояніи были устранить. При какихъ условіяхъ гибли мои пациенты, показываетъ слѣдующій случай.

Меня позвали къ одному чернорабочему на заводѣ. Петръ, такъ его звали, былъ непьющій и работающій человекъ. Всю свою получку онъ приносилъ домой и его главную заботу составляла семья. Онъ нѣсколько подчинялся своей женѣ, живой, небольшого роста, черноглазой женщиной, которая съ своей стороны также отдавала все свое время семьѣ. Мужъ и жена

были грамотны. Петръ нѣсколько интересовался политикой и читалъ газеты. Вообще, это была семья, которую нельзя было обвинить ни въ лѣности, ни въ пьянствѣ или кругломъ невѣжествѣ.

Когда мнѣ пришлось быть у Петра въ первый разъ, его семья помѣщалась въ квартирѣ, состоящей всего изъ одной комнаты. Закоптѣвшій потолокъ, грязные и оборванные обои придавали ей не особенно привлекательный видъ. Но въ ней все-таки былъ относительный порядокъ и полъ чисто вымытъ. Въ одномъ углу комнаты стояла плита, въ другомъ сундукъ, въ третьемъ кровать. Четвертый уголъ ничѣмъ не былъ заставленъ и тамъ висѣли иконы. Кромѣ упомянутыхъ вещей, въ комнатѣ былъ некрашеный деревянный небольшой столъ, два деревянныхъ стула и шкапъ съ посудой. На полу, недалеко отъ входной двери, стояла люлька-качалка, въ которой лежалъ грудной ребенокъ. Всѣ эти вещи такъ загромождали комнату, что въ ней тѣсно было бы и одному, а на самомъ дѣлѣ помѣщалось семь человекъ; Петръ съ женой и четверо дѣтей и посторонняя беременная женщина.

— Чужая, — сказала мнѣ Анна, жена Петра. — Жила тутъ съ однимъ. Бросилъ. Кое-какъ перебивается. Мы съ нее ничего не беремъ за квартиру. Только за дѣтьми иногда посмотреть.

Больнымъ оказался мальчикъ лѣтъ пяти. Онъ лежалъ на полу, подъ образами. У него была корь.

— Въ больницу его надо отвезти, — сказала я, убѣдившись въ заразной формѣ заболѣванія. — Вонъ у васъ сколько дѣтей. Всѣ могутъ отъ него заразиться.

— Божья воля, — спокойно сказала Анна. — Кори ни у кого изъ нихъ не было. Вѣрно ко всѣмъ теперь пристанетъ. Но везти Мишеньку въ больницу мы не согласны. Какъ онъ тамъ одинъ останется? Маль еще. Плакать будетъ и испугается.

Пускай дома лежитъ. Жалко, если помретъ. Лучше вотъ этотъ умеръ бы. Безпокойный, — добавила она, взявъ изъ люльки закричавшаго ребенка.

Больной остался дома и дня три спустя Анна опять прибѣжала за мной, говоря, что двое старшихъ заболѣли.

Этотъ разъ я уже нашла троихъ больныхъ. Всѣ помѣщались на родительской кровати. Петръ, бывший на ночной работѣ, спалъ на голомъ полу, подложивши подъ голову подушку.

— У Маньки, у старшей, сильнѣе всего корь высыпала, — говорила Анна, показывая мнѣ дѣтей. — А Мишенька ничего теперь. Встаетъ и кушать началъ. Съ отцомъ гулять просится.

Хорошенькій черноглазый мальчикъ, въ чистой рубашкѣ и штанишкахъ, слѣзъ съ кровати и подошелъ къ отцу, который при моемъ входѣ всталъ.

Отецъ началъ его ласкать.

— Онъ теперь у меня молодцомъ, — сказалъ Петръ. — Гулять просится. Можно его пустить?

Этотъ вопросъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Сказать — нельзя, значить лишать ребенка укрѣпляющаго вліянія чистаго воздуха и подвергать опасности его легкія, такъ какъ постоянное пребываніе въ комнатѣ, гдѣ помѣщается семь человекъ, готовятъ кушанье и нерѣдко стираютъ бѣлье, гдѣ есть маленькій ребенокъ и изъ-за больныхъ почти никогда не открываютъ оконъ, — должно пагубно дѣйствовать на легкія. Съ другой стороны, разрѣшить прогулки ребенку, у котораго шелушеніе кожи послѣ кори находится въ полномъ разгарѣ, значить способствовать распространенію заразы. Разрѣшить дурно и позволить дурно. Однако, подумавъ, я позволила выпускать ребенка на свѣжій воздухъ съ условіемъ, что онъ не будетъ играть съ чужими дѣтьми или ходить въ гости.

У старшей дѣвочки, Мани, дѣйствительно оказалась очень

сильная корь. Лицо сильно раздулось отъ сыпи, а во рту слѣзла вся верхняя кожица. У больной былъ сильный жаръ. Она совсѣмъ ослабѣла и лежала почти безъ сознанія.

Маня доставила больше всего хлопотъ родителямъ. Болѣзнь затянулась. Всѣ младшія дѣти поправились. Даже грудной ребенокъ, у котораго также была корь, и тотъ началъ выздоравливать, а Маня все хворала. Корь прошла, но легкія были поражены. Дѣвочка все больше и больше слабѣла. Иногда ей дѣлалось лучше и это радовало родителей, которые, видимо, дорожили ребенкомъ и желали для него сдѣлать всевозможное съ своей стороны. Не одинъ разъ они приходили ко мнѣ то за лѣкарствомъ, то звать къ себѣ. Отъ ихъ дома до меня былъ конецъ версты въ двѣ. Но ихъ не удерживала ни усталость, ни дурная погода. Они аккуратно являлись ко мнѣ, если я имъ говорила, что надо придти за лѣкарствомъ или сообщить мнѣ, въ какомъ положеніи находится больная.

— Безъ Манички мнѣ бѣда будетъ,—говорила Анна, которая чаще всего ко мнѣ приходила,—хотя ей всего только семь лѣтъ, а она у меня вмѣсто хозяйки. Уйду, знаю, что за дѣтми посмотреть, накормить ихъ. Теперь больная и то заботится объ нихъ. Пройдѣнный разъ я ушла, а Петька началъ кричать. Она его взяла къ себѣ и утѣшаетъ, говорить: не плачь! мама скоро придетъ и гостинца тебѣ принесетъ.

Я была у нихъ не одинъ разъ и они настолько привыкли ко мнѣ, что начали посвящать меня въ свои горести и радости.

Одинъ разъ, когда я зашла навѣстить больную дѣвочку, Анна съ торжествомъ объявила мнѣ, что они переселяются на другую квартиру.

— Вотъ вы все говорили, что для Мани здѣсь воздухъ не хорошъ, что для нея было бы лучше, если бы было просторнѣе,—сказала она мнѣ.—Теперь мы переходимъ на другую

квартиру въ этомъ же домѣ. Жильцы одни съѣхали. Петръ ходилъ къ хозяину. Хозяинъ обѣщалъ ему оставить квартиру за нами. Ремонтъ сдѣлаютъ. Чисто будетъ. Двѣ комнаты и кухня. Комнату которая побольше, сдадимъ, а въ другой и въ кухню сами будемъ жить. Придется одну комнату сдать. Однимъ цѣлую квартиру занимать не по средствамъ. Десять рублей заплати за квартиру, да дровъ надо рубля на три, на четыре. А онъ всего двадцать пять получаетъ. Не справится. Если же большую комнату сдадимъ за семь рублей, то намъ квартира съ дровами обойдется рублей въ шесть. Здѣсь мы платимъ пять рублей да дрова. Эта комната совсѣмъ худая и дровъ много выходитъ. А на той квартирѣ можно и въ кухню пустить жильцовъ.

Мои убѣжденія не пускать жильцовъ въ кухню и оставить ее для себя, такъ какъ, чѣмъ просторнѣе, тѣмъ здоровѣе дѣти, Анна слушала внимательно, но видно было, что она со мной не совсѣмъ согласна.

Въ слѣдующій разъ я застала ихъ уже на новой квартирѣ. Она была по той же лѣстницѣ, только во второмъ этажѣ. Солнышко весело играло на чистомъ полу и свѣтленькихъ обояхъ. Въ квартирѣ было свѣтло и сравнительно просторно. Чисто выбѣленный потолокъ и новые обои придавали ей видъ особенной опрятности. Анна вообще была довольно чистою и любила порядокъ, а для новой квартиры еще болѣе постаралась. Окна, двери, полъ—все такъ и блестяло.

Новая квартира Петра производила очень пріятное впечатлѣніе, и я мысленно сравнивала ее съ тѣми грязными и темными конурами, въ которыхъ такъ часто живетъ петербургская бѣдность. «Хорошо было бы,—думалось мнѣ,—если бы всѣ бѣдные семьи помѣщались въ такихъ маленькихъ квартиркахъ безъ жильцовъ.

Для себя Анна заняла комнату въ одно окно. Другую, побольше, въ два окна, она рѣшила сдавать одинокимъ жильцамъ. Въ ней пока помѣщалась Аксинья, жившая съ ними на прежней квартирѣ. Она со своимъ новорожденнымъ ребенкомъ лежала на полу. Относительно кухни пока не было рѣшено: пускать въ нее жильцовъ или нѣтъ. Всѣ окна въ квартирѣ были открыты и Маня лежала на сундукѣ недалеко отъ одного изъ нихъ.

— Манѣ сегодня лучше, — съ радостью объявила мнѣ Анна: — вставала и кушать просить. Должно быть, отъ квартиры, отъ хорошаго воздуха.

Такая наивная вѣра въ чудодѣйственное вліяніе чистаго воздуха мнѣ была очень пріятна. Вѣдь я не одинъ разъ говорила родителямъ, что Маня скорѣе поправилась бы, если бы былъ воздухъ хорошій. Дѣвочка дѣйствительно выглядѣла немного бодрѣе и у нея появился аппетитъ. Но это было только временное улучшение и радость Анны была непродолжительна. Маня продолжала хворать. Ей дѣлалось то лучше, то хуже. Ея легкія были сильно поражены и болѣзнь вела къ смерти.

Анну заботила не только больная Маня, но и квартира. Недѣли три у нихъ комната оставалась незанятою, такъ какъ не находилось подходящихъ жильцовъ.

— Комната стоитъ пустая, — жаловалась мнѣ Анна. — Просятся все семейные. Вчера приходили смотреть... шесть человѣкъ дѣтей. Куда такая орава? У меня четверо, да ихъ будетъ шестеро. Тогда и толку не доберешься. А безъ жильцовъ намъ трудно. Хозяинъ ждать не будетъ. Ему въ срокъ вынь да положь десять рублей въ мѣсяцъ. На-дняхъ Петръ принесъ за двѣ недѣли двѣнадцать рублей. Десять отдали за квартиру, а два осталось. Что на нихъ сдѣлаешь? Хоть съ голоду помирай! Наконецъ нашли жильцы. Разъ я прихожу къ нимъ и

вижу, что кухня занята. Въ ней стояла довольно чистая большая постель. Недалеко отъ нея помѣщались небольшой, деревянный столъ, табуретка и стулъ. На окнѣ висѣла кисейная занавѣска — излишняя роскошь, такъ какъ окно выходило въ корридоръ и въ кухнѣ господствовалъ и безъ того полумракъ. Около стола сидѣла молодая красивая женщина въ бѣлой рубашкѣ, красномъ сарафанѣ и голубомъ повойникѣ. Она что-то шила, хотя освѣщеніе кухни не особенно благопріятствовало подобной работѣ.

— Пустила мужа съ женой за три рубля, — отвѣчала Анна на мой вопросъ, кто у нихъ поселился. — Онъ чернорабочій на томъ же заводѣ, гдѣ Петръ. Двадцать рублей въ мѣсяцъ получаетъ. Жена недавно пріѣхала изъ деревни. Дѣтей нѣтъ.

Анна отвѣчала не совсемъ охотно, видно, помня мои настойчивыя убѣжденія не пускать въ кухню жильцовъ.

— И комнату наняли, — продолжала она: — трое холостыхъ за семь рублей. Я на нихъ буду стирать бѣлье и комнату уберу. Обѣдаютъ они въ трактирѣ.

Теперь, когда кухню и комнату заняли жильцы, Петру пришлось очень тѣсниться. Въ небольшой комнатѣ было восемь человѣкъ, считая Аксинью съ новорожденнымъ. Маня лежала подъ образами и ей было совсемъ плохо.

— А Аксинья все еще у васъ живетъ, — замѣтила я, осматриваясь.

— Куда же она дѣнется съ ребенкомъ? — угрюмо отвѣчала Анна. — У насъ живетъ пока. Хочетъ идти въ воспитательный въ кормилицы, а потомъ опять къ намъ.

— Какая у васъ тѣснота! — хотѣла я сказать, но прикусила языкъ, вспомнивъ слова Анны: «За двѣ недѣли двѣнадцать рублей принесъ. Десять отдали хозяину за квартиру, а два осталось. Какъ хочешь, такъ и живи!»

Черезъ два дня послѣ этого Анна пришла ко мнѣ за свидѣтельствомъ о смерти.

— Умерла Маничка,—сказала она.—Подъ конецъ все безъ памяти была и бредила. Вчера утромъ вскочила въ одной рубашкѣ и выбѣжала на дворъ. Я въ прачешной бѣлье стирала. Аксинья ушла со двора. Дѣти одни остались. Мишенька прибѣжалъ ко мнѣ, кричитъ: «Манька ушла!» Наслыу я ее воротила домой. Сегодня къ утру дыханіе стало рѣдкое, тяжелое. Въ четыре часа скончалась.

— Иду я теперь ей наряды покупать, — продолжала Анна со слезами на глазахъ. Наряжу я ее въ послѣдній разъ. Думала осенью въ школу ее посылать, а теперь хоронить приходится. Лучше бы младшій померъ, а Маничка жива была.

Анна на минуту задумалась, а потомъ опять заговорила:

— Пожалуйста, придите сегодня къ намъ. Самаго Петра что-то схватило. Трясетъ, въ жаръ, въ знобъ бросаетъ. Боюсь, какъ бы не расхворался. Тогда хоть ложись да помирай съ дѣтьми. Сегодня на работу не пошелъ. Надо будетъ отъ вастъ свидѣтельство о болѣзни получить, а то штрафъ за прогулъ возьмутъ... Придите и на Маничку посмотрѣть. Вѣдь вы ее лѣчили,—закончила Анна свою просьбу.

Я пришла къ нимъ часа въ три пополудни, и мертвая Маничка была уже наряжена. Она лежала на табуреткахъ въ бѣломъ платьѣ съ розовыми лентами. На глазахъ лежали два мѣдныхъ пятака, на лбу вѣничикъ, на груди образокъ, руки связаны бѣлымъ платкомъ. Ея личико, на которомъ за послѣднее время постоянно былъ отпечатокъ страданія, теперь выражало спокойствіе.

— Вытянулась—большая стала. А худая какая сдѣлалась! Только кожа да кости остались, — говорила Анна, которая не плакала, не причитала, а только со слезами на глазахъ смотрѣла на мертвую дочь.

Видно было, что заботы не оставляли ей времени на горе. Надо подумать о похоронахъ, о больномъ мужѣ, а денегъ нѣтъ. Когда тутъ плакать!

Петръ лежалъ на кровати въ той же комнатѣ, гдѣ находилась покойница. У него была сильная лихорадка, и при выслушиваніи въ верхушкахъ легкихъ оказались подозрительные хрипы.

— Ему надо дома побыть нѣсколько дней. На работу нельзя ходить, — сказала я Аннѣ, которая тревожно смотрѣла на меня.

— Какъ же намъ теперь быть?—озабоченно замѣтила она.—Завтра надо везти хоронить на кладбище. А съ кѣмъ я поѣду? Одна не справлюсь. Нельзя ли ему на кладбище съѣздить?

— Хуже будетъ, — отвѣчала я. — Далеко. Онъ утомится и совсѣмъ расхворается. Надо побережся.

— Ты попроси кума съ тобой ѣхать, — сказалъ Петръ.— Пусть онъ завтра на работу не ходитъ, а поѣдетъ съ тобой. Я совсѣмъ ослабъ.

— Съ тобой лучше было бы. Не хорошо, если родной отецъ до могилы не проводить. Можетъ, и осилишь,—замѣтила Анна.

При моемъ уходѣ этотъ вопросъ оставался нерѣшеннымъ. Но когда на другой день я зашла навѣстить Петра, то оказалась, что онъ на кладбище не ѣздилъ, а ѣздилъ кумъ.

Петръ чувствовалъ себя все еще не хорошо, но особенно угрожающихъ явленій не было. Черезъ нѣсколько дней онъ пошелъ на работу, хотя и чувствовалъ слабость. Неумолимая нужда не позволяла ждать полного возстановленія силъ.

Маленькія дѣти съ различными формами истощенія, которое является слѣдствіемъ какой-либо острой болѣзни или затянувшегося желудочно-кишечнаго катарра, составляютъ тяжелую сторону дѣятельности думскаго врача. Въ огромномъ большин-

ствѣ подобныхъ случаевъ его роль ограничивается опредѣленіемъ болѣзни и выдачей свидѣтельства о смерти. Очень часто думскаго врача зовутъ къ маленькимъ дѣтямъ вовсе не затѣмъ, чтобы выполнять данные имъ совѣты, но для того, чтобы въ случаѣ смерти ребенка не было затрудненій въ полученіи свидѣтельства.

— Намъ никакого лѣкарства не надо, — нерѣдко заявляли мнѣ прямо. — Мы васъ пригласили только посмотрѣть. Если умретъ, намъ нужно свидѣтельство. Безъ него хоронить не будутъ.

Въ большинствѣ такихъ случаевъ совершенно бесполезно настаивать на лѣченіи. Глядя на маленькое высохшее существо, лежащее въ темномъ углу на родительской кровати, врачъ приходитъ къ убѣжденію, что спасти его можетъ только измѣненіе существующихъ условій жизни бѣднаго петербургскаго населенія.

Благодаря дурнымъ условіямъ жизни и плохому качеству молока, въ жаркое время года маленькія дѣти въ Петербургѣ мрутъ, какъ мухи. Бывало, что въ одинъ день мнѣ приходилось давать шесть-семь свидѣтельствъ о смерти дѣтей, погибшихъ отъ остраго или хроническаго желудочно-кишечнаго катарра. Не мало дѣтей умираетъ, благодаря петербургскому молоку. Бѣдногѣ приходится брать его у первой знакомой молочницы. Петербургскія молочницы обыкновенно не скупаются на воду для разбавленія молока, не особенно слѣдятъ за чистотой посуды и хлѣбовъ и не стѣсняются продавать прокисшее молоко. Петербургскія матери даже изъ той бѣдности, среди которой мнѣ пришлось практиковать, знаютъ, что дѣтямъ надо давать кипяченое молоко, и не даютъ его сырымъ. Но молоко кипятится только одинъ разъ въ день, утромъ. Затѣмъ сливается часто въ неособенно опрятную посуду и стоитъ цѣлый день въ комнатѣ, гдѣ лѣтомъ температура нерѣдко доходитъ

до 30° С. и гдѣ постоянно толчется народъ. Понятно, при такихъ условіяхъ молоко къ вечеру становится непригоднымъ для ребенка и желудокъ послѣдняго разстраивается. Измѣнить этого матери часто бывають не въ состояніи.

— Молоко надо кипятить каждый разъ, какъ даете ребенку, — сказала я одной молодой матери.

— Кипятить негдѣ, — отвѣчала она. — Утромъ, пока топится плита, можно скипятить, а потомъ негдѣ. Хозяйка для моего ребенка два раза топить плиты не будетъ.

Эта мать сама работала на фабрикѣ, а ребенка, который былъ у нея незаконный, оставляла на попеченіи квартирной хозяйки. Она зарабатывала рублей двѣнадцать, а иногда пятнадцать въ мѣсяцъ. Изъ нихъ платила три рубля за уголь и три за то, чтобы хозяйка смотрѣла за ребенкомъ. На молоко у нея также выходило рубля три въ мѣсяцъ, такъ что на все остальное у нея оставалось три, много шесть рублей. День она была на работѣ, а ночью приходилось возиться съ ребенкомъ. Ея жизнь была просто каторгой, а она все-таки дрожала надъ своимъ мальчикомъ и въ послѣдствіи ухитрилась купить дешевую керосинку, чтобы имѣть возможность кипятить молоко нѣсколько разъ въ день и тѣмъ спасти жизнь ребенка.

Отвѣтъ — кипятить негдѣ, плита всего одинъ разъ въ день топится, получался всякій разъ, когда я совѣтовала давать ребенку только свѣжепрокипяченное молоко. Иногда, благодаря моимъ настояніямъ, матери устраивались въ соседнемъ трактирѣ. Нерѣдко имъ тамъ дозволяли кипятить молоко даромъ, такъ какъ это дѣлалось для маленькаго ребенка по приказанію доктора. Иногда позволеніе давалось потому, что семья часто брала въ трактирѣ кипятковъ. Очень рѣдко покушалась керосинка. «Нѣтъ денегъ», получался лаконическій отвѣтъ на мое предложеніе пріобрѣсти ее.

Въ моей практикѣ не одинъ разъ встрѣчались дѣвушки-матери. Часто онѣ живутъ въ такихъ условіяхъ, что можно только подивиться выносливости человѣка. Особенно мнѣ памятенъ слѣдующій случай.

Меня пригласили въ одну угловую квартиру. Она состояла изъ двухъ свѣтлыхъ комнатъ средней величины и кухни, которая слабо освѣщалась окномъ, выходящимъ въ корридоръ. Одну комнату занимали восемь человѣкъ одинокихъ. Въ ней стояли четыре деревянныхъ кровати, длинный столъ, грубо сколоченный изъ досокъ, двѣ деревянныхъ скамьи и табуретка. На кроватяхъ были только грязныя подушки и грязное рваное платье. Подъ нѣкоторыми кроватями стояли маленькіе сундучки. Во второй комнатѣ также стояли четыре деревянныхъ кровати, былъ небольшой деревянный столъ, табуретки и сундуки. Здѣсь помѣщались четыре семьи, потому кровати были завѣшаны ситцевыми занавѣсами. Вся квартира далеко не отличалась опрятностью, а на стѣнахъ и потолкѣ накопилось не мало плѣсени.

Въ кухнѣ меня встрѣтила женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

— Сюда пожалуйте,—сказала она, провожая меня въ комнату, гдѣ помѣщалась артель.—Больной здѣсь. Четвергтя сутки горитъ и бредитъ.

Больной лежалъ на одной изъ кроватей. Около него на табуреткѣ стояла кружка съ квасомъ.

— Томить его,—сказала моя провожатая.—Пить все проситъ.

При осмотрѣ у больного оказались явные признаки натуральной оспы.

— Есть у него здѣсь родные?—спросила я.

— Никого нѣтъ, отвѣчалъ самъ больной, который на нѣкоторое время пришелъ въ сознаніе.

— Вамъ нельзя здѣсь оставаться,—сказала я.—Надо отправляться въ больницу. Вы поправитесь не скоро, а здѣсь

тяжело лежать больному. Народу много и уходъ плохой. Въ больницу для васъ будетъ лучше.

— Я и самъ хочу въ больницу,—отвѣчалъ мой паціентъ.— Васъ ждали, чтобы узнать, какая у меня болѣзнь и скоро ли поправлюсь. Сегодня же поѣду. Вотъ только не знаю, куда дѣлать кошелекъ съ деньгами. Три рубля въ немъ было. Передъ болѣзнью получилъ за работу. А теперь не найду, сволокъ кто-нибудь, когда былъ безъ памяти. Извозчику теперь нечѣмъ заплатить.

Женщина со страхомъ смотрѣла на него.

— Полно, Андрей,—сказала она робко.—Кто у тебя возьметъ?

— Оставь! Не на тебя думаю,—сердито отвѣчалъ Андрей.— Знаю, что были деньги, а теперь ихъ нѣтъ.

— Ну, да какъ-нибудь обойдусь,—равнодушно добавилъ онъ, впадая снова въ забытѣе.

Я вышла въ кухню. Въ ней также стояли кровати съ пологами. Очевидно здѣсь помѣщались также семейные угловые жильцы.

— Вы здѣшняя квартирная хозяйка?—спросила я провожавшую меня женщину.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Хозяинъ и хозяйка работаютъ на фабрикѣ, а я только за квартирой присматриваю.

— Скажите имъ, что больного надо непременно свезти въ больницу сегодня же. У него оспа.

Страшное слово «оспа» не произвело на женщину никакого впечатлѣнія.

— Посмотрите, пожалуйста, моего ребеночка,—сказала она.— Онъ что-то все хвораетъ.

Трехнедѣльный ребенокъ, завернутый въ грязныя тряпки, страдалъ разстройствомъ желудка. Я посмотрѣла на мать. Она имѣла страшно истощенный видъ. У нея оставались только

кости да кожа. На ея лицѣ было приниженное и робкое выраженіе, вся ея фигура представляла что-то забитое.

— Вы гдѣ съ нимъ помѣщаетесь?—спросила я.

Она указала на полъ около плиты.

— Даромъ я у нихъ живу,—сказала она.—Незаконный онъ у меня. Я за квартирой присматриваю. Изъ милости меня держать. Я рада, что хоть за уголь не приходится платить. Только мой Павлушка очень кричитъ. Спать другимъ мѣшаетъ. Боюсь, изъ-за него хозяева отъ квартиры откажутъ. Куда я съ нимъ тогда дѣнусь! Нельзя ли ему дать соннаго лѣкарства, чтобы по ночамъ спать?

— Отецъ развѣ не помогаетъ вамъ?—спросила я.

— Отецъ его и знать не хочетъ,—отвѣчала она.—Я лежу въ родильномъ, а ему говорятъ: «Надежда сына родила. Вѣдь твой. Сходи навѣститъ». А онъ: «Много у меня такихъ, какъ Надежда. Не ходитъ же всѣхъ навѣщать. Кто ее знаетъ. Можеть, и не со мной однимъ водилась и сынъ-то не мой».

— Такъ и не пришелъ. Что съ него возьмешь?—добавила она уныло.

— Какъ же вы теперь?

— Здѣсь изъ милости живу. Дадутъ поѣсть, хорошо, а нѣтъ... Что-жъ дѣлать? Приняла я съ нимъ муки. Я на ниточной фабрикѣ работала. Когда сильно стало замѣтно, что я беременна, мнѣ тамъ отказали. Пошла на канатную паклю щипать. Бывало, цѣлый день щиплешь. Нащиплешь пуда два и дадутъ тебѣ шестнадцать копѣекъ. Восемь копѣекъ съ пуда платили. Начинали работать въ четыре часа утра, а оканчивали въ восемь вечера. Часъ давали на обѣдъ. Иная ловкая и хорошая работница за это время можетъ нащипать пудовъ десять просмоленной пакли и получить за это копѣекъ шестьдесятъ. А я тамъ два мѣсяца работала и больше двухъ пудовъ не просмо-

ленной не могла нащипать. Получишь, бывало, рубля четыре въ мѣсяць, за квартиру отдашь, а тамъ и на хлѣбъ не хватаетъ. Послѣ родовъ хотѣла идти съ ребенкомъ кормилицей въ воспитательный, да захворала. И теперь насилу хожу. А тамъ нужны здоровыя. Если не идти туда въ кормилицы, а такъ отдать ребенка въ воспитательный, надо внести двадцать пять рублей. А гдѣ я ихъ возьму?—закончила она.

Все это разсказывалось безъ слезъ, равнодушно, съ спокойствіемъ человѣка, котораго жизнь такъ забила, что онъ потерялъ всякую способность возмущаться своимъ положеніемъ и безропотно покоряется всему.

Въ сравнительно лучшемъ положеніи находятся тѣ дѣвушки-матери, которыя въ качествѣ кормилицы пробыли опредѣленный срокъ въ воспитательномъ домѣ, потомъ выходятъ оттуда со своимъ ребенкомъ и получаютъ на него девять рублей въ мѣсяць. Эти деньги даютъ имъ возможность кое-какъ перебиваться. Иногда мать увеличиваетъ свои средства работой на фабрикѣ. Въ такомъ случаѣ ей приходится нанимать нянюку для своего ребенка или платить дороже за уголь. Часто квартирная хозяйка беретъ за ребенка въ тѣ дни, когда мать на работѣ. Ночь и въ праздникъ мать сама съ нимъ возится. Если у квартирной хозяйки нѣтъ своихъ дѣтей и она относительно свободна, то за ребенкомъ уходъ бываетъ удовлетворительный. Но нерѣдко у нея есть свои маленькія дѣти или она держитъ квартиру съ большимъ количествомъ жильцовъ. Въ послѣднемъ случаѣ у нея бываетъ много дѣла и уходъ за ребенкомъ почти всегда бываетъ плохъ.

Нянекъ нанимаютъ не только незамужнія матери, но и замужнія, если онѣ работаютъ на фабрикѣ. На фабрику замужнія ходятъ только тогда, когда у нихъ есть одинъ, много два ребенка. При большемъ количествѣ дѣтей мать обыкновенно остается дома.

Въ няньки къ бѣдной рабочей семьѣ, которая тѣснится въ одной комнатѣ или даже въ углу, идутъ совсѣмъ бездомныя старухи, которымъ больше дѣваться некуда. Ихъ берутъ изъ-за куска хлѣба. Платы имъ никакой не полагается. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ няньки идутъ и молодыя дѣвушки, которыя нуждаются въ заработкѣ, но почему-либо не могутъ работать на фабрикѣ. Десяти-двѣнадцатилѣтнихъ нянекъ-дѣвочекъ мнѣ приходилось встрѣчать только въ семьяхъ, гдѣ онѣ ухаживаютъ за своими братьями и сестрами.

Няньки-дѣвочки нерѣдко служатъ причиной болѣзни грудного ребенка и приносятъ ему не мало вреда. Но такъ какъ десятилѣтняя нянька часто остается и хозяйкой, давая тѣмъ возможность матери работать на фабрикѣ, то мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать подобные случаи. Иногда десятилѣтнія дѣвочки довольно удачно исправляютъ обязанности хозяйки.

При сношеніяхъ съ бѣдными рабочими семьями, мнѣ постоянно приходилось убѣждаться въ томъ, что жены вообще предпочитаютъ крошечную квартирку, гдѣ онѣ могутъ помѣщаться только со своей семьей, безъ жильцовъ, это и понятно. Если есть жильцы, то хозяйка не оберется разныхъ столкновеній и дразгъ, и на нее часто ложится болѣе тяжелая работа, нежели на мужа. Пустивъ, напримѣръ, въ квартиру артель и имѣя своихъ собственныхъ дѣтей, хозяйка часто имѣетъ столько работы, что не въ состояніи справиться съ ней одна, и ей приходится брать себѣ помощницу. Въ такія помощницы обыкновенно идутъ замужнія женщины, которыя почему-либо на фабрикѣ не работаютъ и имѣютъ свободное время. Платой за помощь служитъ уголь, гдѣ помощница живетъ со своимъ мужемъ.

Жена вообще рѣдко соглашается своей охотой пускать артель и работать на нее. Чаше всего это дѣлается по настоянію

мужа, котораго къ этому иногда принуждаетъ крайняя нужда, а иногда желаніе увеличить доходъ семьи. Случается, что работа на артель пагубно дѣйствуетъ на женщину, особенно непривычную къ ней. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Ко мнѣ явился заводскій чернорабочій съ просьбой навѣстить его жену.

— Чахнетъ она что-то, — сказалъ онъ. — Вы ее знаете. Помните, въ темной кухнѣ ребенка лѣчили. При смерти совсѣмъ былъ. Вы говорили, что ему свѣтъ нуженъ и надо уйти изъ темнаго угла. Ему полегчало, мы и переѣхали на другую квартиру. Въ свѣтлой кухнѣ теперь живемъ. Ребенокъ здоровъ, а жена что-то хвораетъ.

Эти слова мнѣ напомнили одну квартиру въ нижнемъ этажѣ стараго полуразрушеннаго деревяннаго дома. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ средней величины и кухни. Ея отличительнымъ признакомъ былъ полумракъ, господствующій во всѣхъ помѣщеніяхъ. Окна въ комнатахъ выходили къ стѣнѣ, находящейся отъ нихъ на близкомъ разстояніи. Въ кухнѣ было темнѣе и ея окна выходили въ корридоръ. Обѣ комнаты занимала артель одинокихъ, а въ кухнѣ помѣщалось три семьи: хозяйка съ мужемъ и груднымъ ребенкомъ и двѣ семьи жильцовъ. У одной изъ нихъ также былъ грудной ребенокъ. Къ нему меня и пригласили.

Больной лежалъ на родительской кровати. Здѣсь было такъ темно, что для осмотра ребенка пришлось зажечь огонь. Больной былъ безъ сознанія. Около него сидѣла мать, молодая, высокая и довольно красивая женщина.

— Умреть, должно быть, — безнадежно сказала она мнѣ. — Руки и ноги холодныя. Другой день никакой пищи не принимаетъ. Гдѣ ужъ ему поправиться. Жалко. Первенькій онъ у меня.

На мое предложеніе придти за лѣкарствомъ квартирная хозяйка возразила:

— Какое ему лѣкарство теперь? Совсѣмъ умираетъ.

Я не стала настаивать и удовлетворилась обѣщаніемъ матери, что если ребенку будетъ легче, то она придеть за лѣкарствомъ.

Потомъ меня попросили осмотрѣть ребенка квартирной хозяйки. Онъ былъ истощенъ и страдалъ хроническимъ желудочно-кишечнымъ катарромъ.

Я попыталась выяснитъ матерямъ, какъ вредно для дѣтей жить въ темнотѣ, но мои убѣжденія не подѣйствовали.

— Мало ли дѣтей живутъ по темнымъ угламъ да не умираютъ отъ этого,—возражали мнѣ.

Черезъ день послѣ этого изъ той же квартиры ко мнѣ явился жилецъ, отецъ больного ребенка. Онъ сказалъ, что пришелъ за лѣкарствомъ, и просилъ зайти къ нимъ посмотрѣть хозяйскаго мальчика, который былъ совсѣмъ при смерти.

Я начала убѣждать его выѣхать изъ темнаго угла.

— Гдѣ ужъ намъ думать о хорошей квартирѣ,—возразилъ онъ.—Получаю всего семьдесятъ копѣекъ въ день. На уголь только хватаетъ.

— Трудно изъ этого платить больше трехъ трублей,—согласилась я.—Только зачѣмъ же непремѣнно жить въ темномъ углу? За эти деньги можно нанять свѣтлый.

По всей вѣроятности, мои убѣжденія остались бы безъ всякаго результата, если бы не умеръ хозяйскій мальчикъ. Его смерть напугала родителей нѣсколько поправившагося ребенка и они выѣхали изъ темнаго угла.

Теперь отецъ пришелъ звать меня на новую квартиру, заявляя, что они переселились въ свѣтлую кухню и что ребенокъ почти совсѣмъ здоровъ, но больна мать.

Когда я пришла къ нимъ, больная съ ребенкомъ лежала на кровати. Кухня была маленькая, аршинъ пять длины и аршина три ширины. Кровать и плита стояли рядомъ. Между ними оставался только узкій проходъ. Иначе невозможно было размѣститься. Попала я въ обѣденное время. Въ первой комнатѣ обѣдали рабочіе, кто стоя, кто сидя. Ъли торопливо. Хозяинъ самъ наливалъ похлебку и подавалъ обѣдающимъ. Ъли по деревенски: изъ одной большой чашки и деревянными ложками. Для жаренаго картофеля, который составлялъ второе блюдо, были вилки.

Я поняла, что попала въ артель, и спросила объ этомъ больную.

— Хозяинъ снялъ квартиру и пустилъ артель, двадцать два человѣка,—отвѣчала она.—Замучили они меня совсѣмъ. Съ ребенкомъ некогда выдти на улицу. Изъ силъ выбилась. Насилу обѣдъ сготовила, а теперь вотъ лежу. Онъ самъ подаетъ. Не могу я.

Больная имѣла очень истощенный видъ и страдала сильнымъ малокровіемъ. Очевидно, ей было не по силамъ работать на артель, состоящую изъ двадцати двухъ человѣкъ.

Я заговорила съ мужемъ о томъ, что бабѣ тяжело, потому она и хвораетъ.

— Вѣдь многіе артель держутъ и бабы также работаютъ, а здоровы. Нѣтъ, это къ ней просто болѣзнь пристала. Вы посмотрите ее да лѣкарство дайте. Можетъ и полегчаетъ,—сказалъ онъ.

На мои слова, что онъ такъ жену замучаетъ, онъ возразилъ, что онъ и самъ замучился, что эти дни онъ самъ артели обѣдъ собираетъ. Придутъ съ работы. Баба лежитъ. Приходите самому оставаться безъ обѣда, и другихъ кормить. На мое замѣчаніе, что надо было бы взять поменьше квартиру и

пускать меньше жильцовъ, онъ отвѣтилъ: «Такое ужъ наше положеніе». Очевидно, онъ успѣлъ оцѣнить выгоды содержанія артели, такъ какъ послѣдняя не только оплачивала имъ квартиру, но и оставляла нѣсколько рублей за трудъ. Потому до известной степени жертвовалъ женой. Впрочемъ, это былъ довольно хорошій мужъ. Онъ видимо жалѣлъ жену и старался облегчить ея трудъ, помогая ей, когда позволяло время.

Артель торопливо кончила обѣдъ и ушла. Мужъ моей пациентки такъ и не успѣлъ пообѣдать. Онъ взялъ съ собой кусокъ хлѣба съ мясомъ, предполагая съѣсть ихъ на ходу.

При той тѣснотѣ, въ которой живетъ петербургскій рабочій людъ, положеніе больныхъ нерѣдко бываетъ просто невозможнымъ. Имъ нужны покой и тишина, а въ квартирѣ и даже въ комнатѣ больного шумъ, громкіе разговоры, а иногда пѣніе и крикъ.

Однажды меня пригласили къ больной женщинѣ. Вся квартира состояла изъ двухъ крошечныхъ комнатъ и полутемной кухни. Въ одной комнатѣ жили четверо одинокихъ, а въ другой хозяйская семья: мужъ съ женой и трое дѣтей. Въ кухнѣ были также жильцы: мужъ съ женой. Меня встрѣтила жилица и привела къ больной, которой оказалась сама квартирная хозяйка.

Больная съ груднымъ ребенкомъ лежала на кровати. У нея былъ растерянный и страдальческій видъ. На головѣ лежалъ компрессъ.

— Два дня тому назадъ она родила,—сказала мнѣ жилица.—А сегодня родимецъ началъ ее трясти. Долго билъ. Насилу отошла.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ, которая отдѣлялась отъ комнаты больной только тонкой перегородкой, раздавался крикъ, затѣмъ брань и шумъ. Въ заключеніе слышались поцѣлуи и пьяный говоръ.

— Тамъ понедѣльничаютъ,—объяснила мнѣ жилица, когда я спросила, что это такое.—Получка была въ субботу. Потому теперь гуляютъ и шумятъ; когда денегъ нѣтъ, тихо бываетъ.

— Голову всю разломило,—простонала больная.—Полежала бы въ тишинѣ, можетъ, и полегчало бы.

— Вы имъ скажите, чтобы поменьше шумѣли,—замѣтила я.

— Обидятся,—возразила больная.—Скажутъ: и погулять нельзя. Пожалуй съ квартиры съѣдутъ. Жаль. Эти хоть не должаютъ. А другой поживетъ да и съѣдетъ, не заплативши.

Въ это время за стѣной, возлѣ которой стояла кровать больной, раздалось громкое и веселое пѣніе.

— У сосѣдей,—замѣтила жилица.—Вчера у нихъ крестины были и сегодня еще пируютъ.

— Вамъ тутъ нельзя оставаться,—сказала я больной.—Въ больницу надо ѣхать. Тамъ вамъ будетъ спокойнѣе и скорѣе поправитесь.

— Не могу я ѣхать въ больницу,—отвѣчала она.—У меня, кромѣ этого, еще двое маленькихъ дѣтей. Кто за ними безъ меня присмотритъ? И квартиру нельзя бросить. Вонъ имъ—она указала на комнату жильцовъ,—надо обѣдъ приготовить. И мужъ съ работы придетъ, тоже ѣсть хочетъ. Дома, отпустить немного, я сволокнусь и сдѣлаю все, а изъ больницы, пожалуй, не скоро и выпустятъ. Безъ меня здѣсь все пропадетъ... Богъ дастъ и дома поправлюсь.

Я попробовала еще ее уговаривать, но это было бесполезно. Моя пациентка осталась дома.

Моя дѣятельность въ качествѣ думскаго врача продолжалась очень короткое время. Не смотря на это, я могу привести множество случаевъ, когда выполненіе моихъ доброжелательныхъ совѣтовъ наталкивалось на непреодолимые препятствія въ родѣ дороговизны квартиръ, малаго заработка, невоз-

возможности устроиться хорошенько съ ждой и проч. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ моя роль, какъ врача, оказывалась очень жалкой. Мнѣ приходилось снабжать моихъ пациентовъ лѣкарствами въ полной увѣренности, что они ни къ чему не служатъ, и давать имъ совѣты, неосуществимость которыхъ для меня была слишкомъ очевидна.

Изъ жизни петербургской угловой квартиры.

На одной изъ петербургскихъ окраинъ стоитъ двухэтажный деревянный домъ. Когда-то онъ былъ выкрашенъ въ сѣрый цвѣтъ, но теперь почти вся краска съ него сошла. На стѣнахъ только мѣстами остались сѣроватые пятна, отчего домъ кажется рябымъ. Небольшихъ размѣровъ окна не отличались особенной чистотой. Въ одномъ мѣстѣ, вмѣсто стекла виднѣется грязная красная тряпица.

Возлѣ покачнувшейся калитки стоялъ невысокаго роста мужчина, судя по фуражкѣ, дворникъ. Онъ разсѣянно поглядывалъ на пустынную улицу. Его вниманіе привлекъ выѣхавшій изъ-за угла извозчикъ, который, повидимому, направлялся къ нему. Тощая лошаденка плелась лѣнивой труспой, а извозчикъ кнутомъ указывалъ сидѣвшей въ пролеткѣ женщинѣ на дворника и что-то говорилъ ей. Женщина была одѣта по-деревенски и возлѣ нея лежалъ большой мѣшокъ изъ грубаго полотна, чѣмъ-то набитый.

Извозчикъ остановилъ лошадь у калитки и спросилъ у дворника:

— Ты будешь здѣшній дворникъ?

Тотъ отвѣчалъ утвердительно.

— Живеть у васъ тутъ Андрей Никифоровъ? Вотъ хозяйка къ нему прѣѣхала изъ деревни, — сказалъ извозчикъ, указывая на сидѣвшую въ пролеткѣ женщину.

— Живеть въ восьмомъ номерѣ, — лѣниво отвѣчалъ дворникъ, разглядывая прѣѣзжую.

Это была еще молодая женщина, закутанная въ большой платокъ, изъ котораго выглядывали голубые глаза, смотрѣвшіе нѣсколько растерянно и робко. Она неловко слѣзла съ пролетки стащила съ нее свой мѣшокъ и положила его на землю. Затѣмъ вынула изъ кармана маленькій мѣшочекъ, спитый изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, развязала его, достала оттуда сорокъ копѣекъ и отдала извозчику, говоря:

— Спасибо, родимый, что привезъ.

Извозчикъ, видимо тронутый этой благодарностью, сказалъ дворнику:

— Ты ее сведи въ квартиру-то. Что она тутъ понимаетъ? Деревенская. Сама не найдетъ.

— Пойдемъ, я покажу тебѣ. Бери свой мѣшокъ, — сказалъ дворникъ.

Женщина взвалила мѣшокъ на плечи и вошла за нимъ въ калитку.

На дворѣ было очень грязно. Онъ былъ не мощень. Чтобы облегчить себѣ путь, обитатели дома устроили себѣ оригинальный тротуаръ, идущій отъ калитки къ крыльцу. Они набросали обломки кирпичей, камни, дощечки, палочки, которые должны были замѣнять собой панель. Благодаря привычкѣ, дворникъ, идя по нимъ, довольно искусно избѣгалъ грязи. Но прѣѣзжая женщина, сдѣлавши попытку слѣдовать его примѣру, постоянно попадала въ грязь, которая напоминала ей родную деревню осенью.

Достигнувши крыльца, прѣѣзжая была совсѣмъ смущена замѣчаніемъ мальчугана, стоявшаго тамъ:

— Вонъ какъ ты запачкала свои ноги въ грязи. Ходить здѣсь не умѣешь. Вотъ какъ надо прыгать.

И онъ началъ быстро скакать съ камня на камень къ калиткѣ и обратно, ловко избѣгая грязи.

Глядя на него, дворникъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Ишь какой шустрый!

Затѣмъ онъ ввелъ женщину въ корридоръ, съ окнами въ обѣихъ стѣнахъ. На одной сторонѣ окна выходили наружу, на другой въ квартиры и служили для освѣщенія жилыхъ помѣщеній. Въ корридорѣ было нѣсколько дверей. Ключья клеенки и войлока, украшавшіе ихъ, говорили, что двери когда-то были обиты и имѣли болѣе приличный видъ, нежели теперь.

Миновавъ нѣсколько дверей, дворникъ вошелъ въ темный уголокъ за лѣстницей, ведущей во второй этажъ. Слѣдуя за нимъ почти ощупью, прѣѣзжая натолкнулась на какой-то предметъ и чуть не упала.

— Тише! — крикнулъ ей дворникъ, — тутъ кадка съ водой. Опрокинешь!

Онъ отворилъ дверь и вошелъ. Прѣѣзжая послѣдовала за нимъ.

Они очутились въ кухнѣ. Въ ней господствовалъ полумракъ, такъ какъ ея окна выходили не наружу, но въ упомянутый выше корридоръ. Плохое освѣщеніе, грязныя стѣны, закопѣвшій потолокъ придавали ей очень угрюмый видъ. Въ ней находилась небольшого размѣра плита, простой деревянный столъ, скамейка, три некрашенныхъ табуретки и три кровати. Двѣ изъ нихъ были завѣшаны ситцевыми пологами, а одна оставалась открытой. На ней лежалъ грязный матрацъ и засаленная крошечная подушка. Не было ни простыни, ни одѣяла.

Возлѣ стола сидѣла блѣдная и худая женщина съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ.

— Анна Семеновна, — сказалъ ей дворникъ, — къ Андрею хозяйка изъ деревни пріѣхала. Вотъ она.

И онъ указалъ на вошедшую съ нимъ женщину.

Анна Семеновна посмотрѣла на нее. Видя, что пріѣзжая стоитъ въ нерѣшимости и не знаетъ, что дѣлать, она сказала:

— Пойдемъ, милая, я тебѣ покажу, куда вещи положить.

Дворникъ ушелъ, а хозяйка повела пріѣзжую въ комнату. Первая, въ которую они вошли, была въ два окна и въ ней стояло четыре кровати. Вторая была въ одно окно, много уже и покороче первой. Въ ней находилось три кровати. Изъ нея шла дверь въ помѣщеніе, представлявшееся чѣмъ-то въ родѣ темнаго чулана. Тамъ видѣлась также кровать, которая занимала почти все свободное пространство. Оставался только узкій проходъ.

По чистотѣ всѣ комнаты походили на кухню. Такой же давно небѣленный и закопѣвшій потолокъ. Такіе же грязные, оборванные обои и плохо вымытыя окна. Въ комнатахъ можно было разсмотрѣть, что некрашенный деревянный полъ, имѣть темносѣрый оттѣнокъ вслѣдствіе накопившейся на немъ грязи. Только комната въ два окна представлялась нѣсколько чище. Въ ней помѣщались исключительно семейныя пары и женщины по возможности старались поддерживать опрятность.

Пріѣзжая, слѣдуя за хозяйкой, съ наивнымъ любопытствомъ разсматривала обстановку. Она обратила вниманіе на то, что въ первой комнатѣ всѣ кровати были завѣшаны ситцевыми пологами съ яркими разводами и возлѣ каждой стояли двѣ табуретки и небольшой деревянный столикъ. Во второй комнатѣ только одна кровать была закрыта пологомъ. Остальныя двѣ выставлялись наружу со своими холщевыми соломенными матрадами и засаленными крошечными подушками.

Хозяйка показала на одну изъ послѣднихъ и сказала:

— Вотъ кровать твоего хозяина.

Пріѣзжая въ нерѣшимости остановилась возлѣ нея, не зная, что ей дѣлать. Она все еще была одѣта по - дорожному и держала свой узелъ на спинѣ.

Замѣчая ея недоумѣніе, Анна Семеновна сказала ей:

— Положи сюда свой узелъ и раздѣвайся... А какъ тебя, голубушка, звать-то?

— Ольгой, — отвѣчала пріѣзжая, кладя свой узелъ и начиная раздѣваться.

Она сняла платокъ и кофту. Тогда передъ хозяйкой появилась очень молодая женщина, невысокаго роста, худощавая, съ пріятнымъ лицомъ и большими голубыми глазами, въ которыхъ продолжало отражаться недоумѣніе и нѣкоторая растерянность.

— Ты, видно, въ первой въ Питеръ пріѣхала? — спросила хозяйка, замѣтя робость и нерѣшимость Ольги.

— Не приходилось мнѣ здѣсь бывать, — отвѣчала та. — Никуда я изъ своей деревни не ѣдила.

— Значитъ ты нашихъ порядковъ не знаешь, — замѣтила хозяйка. — Вонъ видишь, въ той комнатѣ всѣ кровати завѣшаны. Тамъ семейные живутъ. У насъ такой обычай, что семейная пара свою кровать занавѣской закрываетъ, а холостые или одинокіе такъ кровать свою оставляютъ. Вотъ тутъ двое холостыхъ спятъ. И твой Андрей безъ занавѣски спалъ. А теперь вамъ надо купить ее. Такъ не хорошо. А вотъ эту кровать занимаютъ двѣ сестры - дѣвушки. Онѣ на фабрикѣ работаютъ. Тоже недавно пріѣхали изъ деревни...

— Можетъ, ты съ дороги чаю хочешь? — перебила себя Анна Семеновна.

— А гдѣ же хозяинъ? — робко спросила Ольга.

— Твой хозяинъ еще на работѣ. Часа черезъ два вернется, — отвѣчала Анна Семеновна.

— Я подожду его чай пить,—сказала Ольга.

Ей очень хотѣлось выпить чаю. Но не зная, гдѣ достать самоваръ, кипятокъ, она предпочла дожидаться мужа.

Въ это время въ комнату вбѣжала дѣвочка лѣтъ пяти и съ любопытствомъ начала смотрѣть на Ольгу.

— Это моя дѣвченка,—сказала Анна Семеновна, указывая на нее.—И мальчишка этотъ мой. Мужъ умеръ полгода тому назадъ. Я съ ними осталась. Квартирой живу. Отъ жильцовъ мнѣ остается даромъ уголь на кухнѣ и рублей шесть-семь въ мѣсяць. Такъ и живу. Надо какъ-нибудь кормиться съ дѣтми. На фабрику ходить или по стиркамъ поденно нѣтъ охоты. Малы они. На кого оставишь? Подростетъ Шурка, тогда она у меня будетъ оставаться за хозяйку, а я на заработки пойду...

Анна Семеновна рассказывала все это, желая занять свою новую жилищу. Между тѣмъ ребенокъ, сидѣвшій у нея на рукахъ, потянулся къ сестренкѣ. Мать спустила его на полъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ двухъ, съ кривыми ногами, большимъ животомъ и очень блѣднымъ лицомъ. Онъ былъ въ одной ситцевой, не особенно опрятной рубашкѣ и босой. Шурка побѣжала въ кухню и онъ заковылялъ за ней, съ трудомъ переступая своими кривыми ногами. Скоро оттуда раздался его ревъ и Анна Семеновна, прервавъ свой рассказъ, торопливо ушла къ дѣтямъ.

Ольга осталась одна. Не развязывая своего узла, она сѣла на кровать и задумалась. Большой городъ совсѣмъ ошеломилъ деревенскую женщину.

На Николаевскомъ вокзалѣ, когда изъ вагоновъ потекла цѣлая рѣка народа, Ольга совсѣмъ растерялась. Безъ помощи одной женщины, которую она встрѣтила въ своемъ вагонѣ и которая приняла въ ней участіе, ей было бы довольно трудно разыскать своего мужа. Та бывала уже въ Петербургѣ, потому

знала все порядки. Она помогла Ольгѣ нанять извозчика, успешно поторговавшись съ нимъ, усадила ее, уложила узелъ и отправила. Ольга отъ души поблагодарила ее и поѣхала. Широкая улицы, громадные каменные дома, множество извозчиковъ и пѣшеходовъ—все это повергало ее въ изумленіе. Громадный городъ съ толпой движущихся людей внушалъ ей удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ. Она смутно чувствовала себя такой маленькой и ничтожной въ сравненіи съ окружающимъ, что невольно начинала всего бояться. Она боялась, что извозчикъ завезетъ ее въ другое мѣсто, а не къ мужу, но не смѣла сказать ему это. Она боялась рьяныхъ лошадей, которыя мчатся во всю прыть и, казалось, вотъ сейчасъ раздавятъ ее вмѣстѣ съ пролеткой. Конка, наполненная людьми, привела ее въ глубокое удивленіе. Внутри и на верху сидѣло много народу, а везли всего двѣ лошади. Она невольно вспомнила своихъ деревенскихъ клячь, которымъ тяжело шагомъ свезти нѣсколько человекъ, а эти бѣгутъ.

Когда они выѣхали на малолюдную улицу, извозчикъ вступилъ съ нею въ разговоръ. Онъ спросилъ ее, откуда она ѣдетъ и зачѣмъ сюда пріѣхала. Узнавши, что она изъ одной губерніи съ нимъ и даже изъ одного уѣзда, онъ началъ называть ее землячкой и принялъ въ ней нѣкоторое участіе. Привезши ее къ дому, гдѣ жилъ ея мужъ, онъ, какъ мы уже видѣли, сдалъ ее дворнику, чтобы она понапрасну не блуждала по двору.

Квартирная хозяйка понравилась Ольгѣ. Она обошлась съ ней ласково, но деревенская женщина все-таки робѣла и не знала, какъ себя вести. Тутъ все по иному, не такъ, какъ въ деревнѣ, и люди все чужіе. И Ольга съ нетерпѣніемъ ждала, когда возвратится мужъ. А пока смиренно сидѣла на своей кровати. Иногда къ ней заглядывала Анна Семеновна и, сказавши нѣсколько словъ, уходила по своимъ дѣламъ. Въ ея комнату

входили также женщины изъ сосѣдняго помѣщенія, узнавпія, что пріѣхала хозяйка Андрея. Онѣ пытались вступать съ нею въ разговоръ, но Ольга робѣла передъ ними, потому послѣдній плохо завязывался. Къ тому же приближалось время къ возврату мужей съ работы и надо было похлопотать объ ужинѣ. Ольга слушала возню, ходьбу, разговоры женщинъ, но все еще продолжала тихо сидѣть на своей кровати, не зная, что дѣлать.

Прибѣжали съ работы двѣ сестры, о которыхъ Ольгѣ говорила Анна Семеновна, и, проворно снявши кофточку, отправились просить у хозяйки кипятку. Даша и Лиза были довольно милостивыя дѣвушки, еще не потерявшія своей деревенской свѣжести. Онѣ не совѣмъ втянулись въ столичную жизнь и у нихъ было свѣжо впечатлѣніе собственнаго пріѣзда, потому онѣ немедленно приняли въ Ольгѣ участіе и предложили ей напиться съ ними чаю. Но она застѣнчиво отказалась.

Пришелъ съ работы одинъ изъ жильцовъ Ольгиной комнаты, Василій. Это былъ молодой красивый парень, щеголевато одѣтый въ красную рубашку. Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Ольгу и подеѣлъ къ дѣвушкамъ, которыя у своего столика пили чай съ чернымъ хлѣбомъ. Это замѣняло имъ ужинъ. Онѣ недавно поступили на фабрику и зарабатывали мало, рублей двадцать вдвоемъ. Василій видимо ухаживалъ за младшей сестрой, Дашей. Онъ разсказалъ имъ анекдотъ про одну фабричную работницу, а затѣмъ отправился на кухню ужинать.

Вернулись съ работы двое рабочихъ, занимавшихъ темную конуру, Петръ и Степанъ. Они также отправились на кухню ужинать.

Наконецъ пришелъ и Андрей. Находившіеся въ кухнѣ, которая служила и спальней, и, передней, и столовой, чуть не всѣ разомъ сказали ему:

— Жена къ тебѣ пріѣхала. На кровати тамъ сидитъ.

Андрей пошелъ въ свою комнату. Нѣкоторые жильцы послѣдовали за нимъ, желая видѣть встрѣчу мужа съ женой.

Увидя мужа, Ольга видимо обрадовалась и торопливо встала съ постели. Но Андрей не проявилъ особенной радости и довольно равнодушно поздоровался съ ней.

Андрей представлялъ изъ себя совершенную противоположность женѣ. Это былъ высокій, плотный мужикъ съ довольно грубымъ лицомъ. Въ сравненіи съ нимъ Ольга выглядѣла совѣмъ дѣвочкой.

— Запоздалъ,—сказалъ Андрей.—Ты давно пріѣхала?

— Давно,—отвѣчала Ольга.

— Ужинать надо. Ъсть хочу. Потомъ поговоримъ. Ты ужинала?—спросилъ Андрей.

— Нѣтъ,—отвѣчала Ольга.

— Я попрошу хозяйку, чтобы она дала тебѣ ужинать. Я потомъ заплачу,—сказалъ Андрей и пошелъ на кухню.

Анна Семеновна сказала, что она ничего не можетъ дать Ольгѣ. Былъ вчерашній супъ, ребятишки съѣли. Она посоветовала Андрею попросить товарищей, съ которыми онъ обыкновенно обѣдалъ, удѣлить что-нибудь его женѣ.

Въ кухнѣ за небольшимъ столомъ сидѣли четверо жильцовъ. Столъ былъ простой деревянный, ничѣмъ не покрытъ. Среди него стояла большая деревянная чашка, въ которую были налиты щи. Тутъ же лежалъ коровой чернаго хлѣба и стояла деревянная солонка съ грубой солью. Ъли деревянными обгрызанными ложками.

Услышавши разговоръ Анны Семеновны съ Андреемъ, Василій сказалъ:

— Зови жену сюда ужинать. Супу хватитъ и на нее.

Видя, что другіе ничего не возражаютъ противъ этого, Андрей крикнулъ женѣ:

— Ольга, иди сюда ужинать!—и сѣлъ за столъ.

Ольга, робѣя, вошла въ кухню и остановилась возлѣ сидящихъ за столомъ. Мѣста для нея тамъ не было, а мужъ не думалъ позаботиться о немъ и продолжалъ ѣсть. Тогда Василій подвинулся на скамейкѣ и сказалъ:

— Садись сюда.

Андрей встрепенулся и подозрительно посмотрѣлъ сначала на него, потомъ на жену. Та неловко сѣла на скамейку и взяла ложку, которую подала ей Анна Семеновна. Василій отрѣзалъ ломоть хлѣба и далъ ей. Такъ какъ Ольга сильно проголодалась, то принялась ѣсть и не замѣтила подозрительнаго взгляда своего мужа. За ужиномъ онъ съ ней совѣмъ не говорилъ. Разговаривали о разныхъ событіяхъ на заводѣ, гдѣ они всѣ работали. Говорили больше Степанъ и Василій, живущіе въ Петербургѣ не первый годъ. А Петръ постоянно поддакивалъ первому, видимо находясь подъ его вліяніемъ. Это былъ бѣлокурый юноша лѣтъ двадцати, съ нѣсколькими простоватымъ лицомъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ мѣсяца два тому назадъ и случайно попалъ въ эту квартиру, на одну кровать съ Степаномъ. Тотъ началъ смѣяться надъ его деревенской простотой, что сильно задѣвало самолюбіе Петра, и онъ рабски началъ подражать всему, что дѣлалъ его пріятель. Степанъ посвятилъ его въ различныя прелести петербургской жизни. Познакомилъ его съ притонами столицы, съ трактиромъ. Петръ быстро освоился со всѣмъ этимъ и тратилъ на вино, на разгулъ свой скудный заработокъ, забывши деревенскую родную семью, которая отправила его въ столицу, надѣясь, что онъ будетъ присылать ей денегъ, хотя бы на уплату податей.

Степанъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые совершенно безсознательно ставятъ свое собственное удовольствіе, свое собственное удобство выше всего. Ему нравилась гульба

и онъ работалъ цѣлую недѣлю только для того, чтобы въ одинъ день растратить свои деньги на пустяки: на вино, на женщинъ, на картежную игру и т. п. Онъ жилъ въ Петербургѣ третій годъ, роднымъ въ деревню давно ничего не посылалъ и тѣ на него махнули рукой. Благодаря беспорядочной жизни, не смотря на довольно хорошій заработокъ, онъ очень часто попадалъ въ крайнюю нужду, долженъ былъ въ трактирѣ, ютился въ какомъ-нибудь темномъ углу. Тогда ему казалось, что всѣ къ нему несправедливы, не цѣнятъ его искусной работы, мало платятъ, вообще обвинялъ другихъ въ томъ, чему самъ былъ причиною. Онъ отличался общительнымъ и веселымъ характеромъ, обладалъ способностью быстро дружить съ людьми и довольно быстро расходиться съ ними. Очень часто его товарищами дѣлались вновь прибывшіе въ столицу деревенскіе юноши, на которыхъ его дружба вообще отражалась дурно. Они подобно ему, начинали вести беспорядочную жизнь и прогуливать свой заработокъ. Очень часто это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не разстраивалась ихъ дружба съ Степаномъ. Но нерѣдко юноша надолго или совѣмъ погрязалъ въ столичномъ омутѣ.

Василій, о которомъ мы уже упоминали, представлялъ изъ себя типъ хорошаго работника, который не забывалъ своей деревенской семьи и помогалъ ей. Водку пилъ онъ рѣдко, одѣвался щеголевато и любилъ поухаживать за женщинами.

Андрей зналъ эту его слабость и, когда Василій услужливо предложилъ Ольгѣ мѣсто на скамейкѣ и отрѣзалъ ей хлѣба, у него пробудилось ревнивое чувство. Нельзя сказать, чтобы онъ особенно любилъ свою жену, но онъ былъ очень ревнивъ. Онъ былъ гораздо старше Ольги и обладалъ деспотическимъ характеромъ. Слѣдуя старымъ обычаямъ, онъ требовалъ отъ жены безусловнаго повиновенія и считалъ себя въ правѣ распоряжаться ею,

какъ своею собственностью. Не спрашивая ея согласія, онъ написалъ ей, чтобы она ѣхала въ Петербургъ, и послалъ ей на проѣздъ денегъ.

Ольга не подумала даже, что мужа можно послушаться, и немедленно исполнила его приказаніе, хотя ей хотѣлось остаться въ деревнѣ. Петербургъ внушалъ ей какой-то смутный страхъ. Она была очень тихая и смиренная женщина. У нихъ былъ сынъ. Но Андрей приказалъ ей оставить его въ деревнѣ у матери. Ольга горько плакала, расставаясь съ сыномъ, но не посмѣла противиться воли мужа и поѣхала одна.

Пожинавши, всѣ встали изъ-за стола и разошлись по своимъ мѣстамъ. За день утомились за работой, потому въ квартирѣ скоро все стихло. Андрей, поговоривши немножко съ Ольгой про деревню, про домашнихъ, тоже заснулъ. Но жень его не спалось. Впечатлѣнія сегодняшняго дня были очень сильны и сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ. Прислушиваясь къ раздававшемуся кругомъ храпѣнью, она думала, что тутъ все иначе, нежели въ деревнѣ, и люди все чужіе, незнакомые. Есть изъ нихъ хорошіе, пріятливые: Анна Семеновна, Василій. А Степанъ нехорошій. Засмѣялся надъ ней за столомъ, назвалъ деревенской простотой. А Андрей, кажется, съ нимъ въ дружбѣ. Какой пузатый и блѣдный мальчишка у хозяйки. Ея Ванюшка куда лучше, такой здоровенькій. И Ольгѣ страшно захотѣлось туда, назадъ въ деревню, къ своимъ, гдѣ всѣ знакомые и родные. Здѣсь она чувствовала себя совершенно одинокой. Мужъ внушалъ ей страхъ, но не любовь, потому его близость не уничтожала у ней чувства одиночества. Здѣсь всѣ ей чужіе. Зачѣмъ Андрей выписалъ ее сюда?

Ольга заснула только подъ утро. Но спать ей долго не удалось. Мужъ растолкалъ ее и велѣлъ идти за нимъ въ кухню. Тамъ хозяйка ставила самоваръ, а жильцы, собираясь идти на ра-

боту, поочередно подходили къ мѣдному умывальнику, висящему надъ маленькой кадкой, умывались, затѣмъ крестились на образъ и уходили. Многіе зѣвали, потягивались и бранились, что имъ такъ рано приходится идти на работу. Встали только тѣ, которые гдѣ-либо работали. Остальные еще спали. Утромъ мужчины, идущіе на работу, чай дома не пили и брали съ собой кто кусокъ чернаго хлѣба, кто кусокъ ситнаго или баранокъ. Обыкновенно, придя пораньше на заводъ, рабочіе собирались въ группы и покупали въ трактирѣ большой чайникъ кипятку. Потомъ заваривали чай и пили тамъ же въ мастерскихъ.

Андрей привелъ Ольгу въ кухню къ хозяйкѣ, желая переговорить съ послѣдней относительно обѣда. До сихъ поръ онъ жилъ на правахъ холостаго и обѣдалъ вмѣстѣ съ другими товарищами. Имъ всѣмъ готовила хозяйка. Обыкновенно нанимая уголь или полкровати, одинокій уговаривался съ послѣдней, чтобы она готовила ему обѣдъ, стирала бѣлье и все убирала въ комнатѣ, гдѣ онъ живетъ. За это она брала съ него лишнихъ 50 к. въ мѣсяцъ. Если мужъ жилъ съ женой, послѣдняя дѣлала все сама, потому хозяйка брала съ нихъ дешевле. Двое одинокихъ платили ей четыре рубля за кровать, а бездѣтная семейная пара три руб. 50 к. въ мѣсяцъ. Андрей разсудилъ, что теперь для него все можетъ сдѣлать жена, потому не для чего платить лишнихъ 50 к. за кровать.

Онъ нанималъ уголь съ такимъ условіемъ, что пріѣдетъ жена и тогда онъ будетъ платить* дешевле. Потому Анна Степановна ничего не возражала, когда Андрей началъ просить ее показать Ольгѣ, гдѣ купить горшокъ, чугунокъ, провизію для обѣда и проч. Она обѣщала сходить съ ней и все купить. Тутъ же она напомнила Андрею, что ихъ кровать безъ занавѣски и надо купить ситцу. Зная, что таковъ обычай въ петербург-

скихъ угловыхъ квартирахъ, Андрей далъ женѣ денегъ и на ситець.

Андрей ушелъ, а Анна Семеновна сказала Ольгѣ:

— Ты, голубушка, опять ложись. Съ дороги поди утомилась. На рынокъ рано еще идти.

Ольга вернулась въ свою комнату. Тамъ теперь никого не было. Всѣ мужчины и обѣ дѣвушки ушли на работу. Ольга прилегла на кровать, но не могла заснуть. Она смотрѣла на стоящую противъ нея кровать, закрытую пологомъ, и думала, что хорошо было бы купить такого же ситцу, съ такими же яркими розовыми большими цвѣтами. Загѣмъ она обратила вниманіе на то, какой грязный тотъ мѣшокъ, на которомъ спалъ Андрей, что хорошо было бы его вымыть и набить свѣжей соломой. Взглянувши на засаленную подушку мужа, она вспомнила, что у нее въ мѣшкѣ есть чистыя наволочки.

Ольга встала и начала рыться въ своемъ мѣшкѣ. Она вытащила изъ него чистую наволочку и одѣяло, сшитое изъ маленькихъ ситцовыхъ лоскутковъ, нарѣзанныхъ трехугольниками. Потомъ она сняла грязную наволочку съ подушки Андрея и надѣла чистую. Взявши въ руки одѣяло, она нерѣшительно посмотрѣла на грязный матрацъ, на которомъ они спали эту ночь. Ей хотѣлось покрыть постель, но вмѣстѣ съ тѣмъ она боялась запачкать свое одѣяло. Наконецъ рѣшившись, она набросила его на матрацъ и сверху положила подушки. Кровать сразу приобрѣла болѣе привлекательный видъ.

Тутъ вошла Анна Степановна и сейчасъ же обратила вниманіе на переиравшую, происшедшую съ постелью Андрея.

— Хорошо ты сдѣлала, что захватила съ собой изъ деревни одѣяло. Мужъ все время одѣвался армякомъ—замѣтила она.

— Матрацъ грязный—сказала Ольга, приподнимая край одѣяла.—Его надо было бы вымыть.

— Это можно будетъ сдѣлать. На будущей недѣлѣ придетъ мой чередъ стирать въ прачешной. Тогда ты его выстирай,— отвѣчала Анна Степановна.

— Пойдемъ чай пить. Я самоваръ согрѣла,—продолжала она.

Ольга послѣдовала за ней въ кухню. Заглянувши мимоходомъ въ сосѣдную комнату, она увидѣла, что тамъ женщины встали и, сидя возлѣ своихъ столиковъ, пьютъ чай. Какъ она потомъ узнала, здѣсь обыкновенно самовара не ставили, потому что угли и дрова въ Петербургѣ дороги. Утромъ женщины поочередно брали въ трактирѣ на копѣйку большой чайникъ кипятку и каждая заваривала изъ него свой чай. Самоваръ здѣсь былъ только у Анны Семеновны. Въ торжественныхъ случаяхъ, когда бывали у семейныхъ жильцовъ гости или имянины, Анна Семеновна давала имъ свой самоваръ.

Она ставила его каждое утро только для себя. Иногда она давала кипятку сестрамъ-работницамъ. Она ихъ жалѣла. Кромѣ того, это были скромныя, тихія дѣвушки, которыя никакого шума не заводили и жили смирно. Онѣ очень часто возились съ хозяйскими дѣтишками, вызывая этимъ сочувствіе къ себѣ матери. Послѣдняя брала съ нихъ, какъ и съ семейныхъ, три руб. 50 к. за кровать, такъ какъ дѣвушки сами дѣлали все для себя.

Анна Семеновна согрѣла самоваръ для новой жилицы, потому что знала, что та не знакома еще съ порядками петербургскихъ угловыхъ квартиръ. Ольга заварила свой чай и предложила Аннѣ Семеновнѣ составить ей компанію. Та согласилась и съ ребенкомъ на рукахъ подошла къ столу. Шурка пристроилась возлѣ матери. Ей также дали чашку чая и съдобную ржаную лепешку, привезенную Ольгой изъ деревни.

Занимаясь чаепитіемъ, хозяйка съ новой жилицей обсуждали вопросъ о покупкахъ которыя надо было сдѣлать Ольгѣ,

чтобы завести самостоятельное хозяйство. Надо было купить кастрюльку, горшокъ, сковороду, двѣ тарелки, деревянныхъ ложекъ, ножъ, двѣ вилки, двѣ кружки для чая. Жестяной чайникъ былъ у Андрея, потому рѣшили купить еще маленькій каменный, въ которомъ надо заваривать чай.

— Столъ вамъ непременно надо купить. Безъ своего стола не обойтись. Будешь обѣдать на немъ, кушанье стоговишь. Ты купи со шкапикомъ, чтобы посуду можно было въ него прятать,—говорила Анна Семеновна.

Тутъ Ольга вспомнила, что Андрей далъ ей три рубля на всѣ покупки и на провизию для сегодняшняго дня.

— Денегъ мало у меня. Пожалуй не хватитъ,—замѣтила она нерѣшительно.

— Я тебя сведу къ одному торговцу, у котораго дешево можно купить—отвѣчала Анна Семеновна.

Послѣ чая Анна Семеновна попросила одну изъ жилищъ присмотрѣть за дѣтми и отправилась съ Ольгой за покупками. Сначала онѣ рѣшили приобрести необходимую посуду, а потомъ уже покупать остальное.

Анна Семеновна усердно торговалась и на посуду онѣ истратили около рубля. Затѣмъ пошли покупать столъ. Меньше, какъ за полтора рубля, торговецъ не хотѣлъ его отдать. Пришлось уплатить. Столъ онѣ сами понесли домой, уложивши въ шкапчикъ купленную посуду. Мимоходомъ онѣ купили провизию и возвратились домой. Ольга съ удовольствіемъ поставила новенькій столикъ возлѣ своей кровати и начала вынимать изъ него другія покупки. Къ ней подошли двѣ жилицы изъ сосѣдней комнаты, начали разсматривать купленные вещи и спрашивать ихъ цѣну. Онѣ находили, что все куплено дешево, и хвалили столъ и посуду. Это доставило Ольгѣ удовольствіе и она нѣсколько повеселѣла. Но посмотрѣвши, сколько

у ней денегъ, она убѣдилась, что изъ трехъ рублей осталось всего тридцать копѣекъ.

— Хозяюшка,—сказала она Аннѣ Семеновнѣ,—занавѣску-то мы не купили. А у меня всего тридцать копѣекъ осталось. Подя мало.

— Мало,—согласилась Анна Семеновна.—Надо непременно купить аршинъ шесть. Придется еще спросить у Андрея копѣекъ тридцать.

— А теперь мы не пойдемъ покупать?—спросила Ольга.

— Теперь недосугъ. Надо плиту разводить и обѣдъ готовить. Въ двѣнадцать часовъ мужики придутъ съ работы,—отвѣчала хозяйка.

Она начала растоплять плиту и всѣ жилицы принялись за приготовленіе обѣда. Каждая семья готовила себѣ отдѣльно, а Анна Семеновна для всѣхъ одинокихъ, которые у нее жили. Провизию они должны были закупать сами съ вечера. Таково было условіе при наймѣ квартиры. Иногда новый жилецъ, ссылаясь на свое неумѣнье выбирать провизию, просилъ Анну Семеновну купить и давалъ ей денегъ. Но она всегда отказывалась отъ этого.

— Мое дѣло приготовить,—говорила она.—Какую купишь, такую и будешь ѣсть.

Она убѣдилась, что покупка чужой провизіи доставляла ей много неприятностей. Начинали говорить, что она покупаетъ плохую провизию, дорого платитъ за нее, крадетъ и т. п. Потому она рѣшила не браться за это.

Одинокіе жильцы составляли нѣчто въ родѣ артели и поочередно закупали провизию. Чаще всего они запасали послѣднюю на два дня. Тоже дѣлали и семейные жильцы, такъ какъ покупка въ большихъ размѣрахъ давала возможность приобрести провизию лучшаго качества.

Каждая жилица готовила свой обѣдъ въ своей комнатѣ и на своемъ собственномъ столѣ, что, конечно, не могло содѣйствовать опрятности помѣщенія. На столахъ лежали ложки, стояли горшки, на полу валялась кожа картофеля, лука, которые пользовались въ угловой квартирѣ особымъ вниманіемъ. Возлѣ плиты, очень небольшихъ размѣровъ, толпилось шесть женщинъ. Всѣ онѣ торопились приготовить супъ, сварить кашу или картофель на второе блюдо, чтобы мужа, придя домой, могли сейчасъ же приняться за обѣдъ. Всѣ старались поставить свой горшокъ на самое горячее мѣсто плиты, чтобы не опоздать съ обѣдомъ.

Одна изъ жилицъ, Авдотья, высокая здоровая женщина завладѣла желаннымъ мѣстомъ на плитѣ и поставила свою кастрюльку съ супомъ. Затѣмъ она ушла въ комнату и занялась приготовленіемъ каши. Ея отсутствіемъ воспользовалась другая жилица, ея сосѣдка по комнатѣ, Марья. Она сдвинула кастрюльку Авдотьи въ сторону и поставила на ея мѣсто свою.

Вернувшись и увидя это, Авдотья разсердилась и закричала:

— Кто это сдвинулъ мою кастрюльку на самый край?

— Я, — отвѣчала Марья. — Твой ужъ вскипѣлъ, а мой еще нѣтъ.

— Какое вскипѣлъ. Я его только что поставила. Пусти, это мое мѣсто.

И Авдотья водворила свой горшокъ на прежнее мѣсто. Марья была въ миролюбивомъ настроеніи духа, потому уступила. Но не всегда дѣло кончалось такимъ образомъ. Иногда, если подобная исторія происходила между двумя раздражительными женщинами, начинались препирательства, за которыми нерѣдко слѣдовали ссора и брань. Въ нихъ иногда вмѣшивались и другія женщины. Тогда въ квартирѣ поднимался дымъ коромысломъ. Жены забывали про обѣдъ и мужа вынуждены были ѣсть его полусырымъ.

Подобныя ссоры особенно тяжело отзывались на Аннѣ Семеновнѣ. Ей приходилось играть трудную роль мирового судьи, такъ какъ жилицы обыкновенно начинали жаловаться ей другъ на друга и требовать ея посредничества. Умиротворить всѣхъ, не навлекая на себя чьего-либо неудовольствія, довольно мудрено, потому хозяйка обыкновенно говорила:

— Не мое дѣло васъ разбирать. Только я вамъ скажу, изъ-за пустяковъ вы ссоритесь. Чередъ соблюдайте. Тогда всѣ успѣете. Вонъ насъ тутъ сколько. Если не будемъ соблюдать порядка, то всѣ будемъ ѣсть сырыя щи. Мужики за это насъ не похвалятъ.

Ольга приготовила супъ въ своей комнатѣ и принесла его на кухню. Чудно ей казалось, что здѣсь нѣтъ русской печи, къ которой она привыкла въ деревнѣ, а готовить обѣдъ на плитѣ. О послѣдней она не имѣла никакого понятія и поставила свой супъ на самомъ краю, гдѣ онъ не могъ свариться. Анна Семеновна замѣтила это.

— Ты зачѣмъ здѣсь ставишь. Поставь туда подальше. Тутъ онъ не сварится, — сказала она.

Ольга нерѣшительно смогрѣла на плиту, всю заставленную горшечками и чугуночками, не зная, что дѣлать и куда поставить свой. Тогда Анна Семеновна переставила горшки и помѣстила Ольгинъ на горячее мѣсто, говоря стоявшей тутъ же женщинѣ:

— Твой вскипѣлъ. Пусть теперь въ сторонѣ погрѣетъ.

Еслибы не Анна Семеновна, у Ольги навѣрное обѣдъ не былъ бы готовъ къ приходу мужа. Она совсѣмъ растерялась среди необычныхъ условий, въ которыхъ она теперь очутилась. Въ деревнѣ каждая семья готовитъ въ своей печи, около которой возится одна только хозяйка. А тутъ возлѣ одной плиты толкуются шесть женщинъ и каждая торопится приготовить свой

обѣдъ. И плита приводила Ольгу въ недоумѣніе. Она привыкла къ русской печи, гдѣ щи, каша парятся нѣсколько часовъ. А тутъ сварятъ на плитѣ и ѣдятъ сейчасъ же и попрѣтъ не дадутъ. Не мало удивляла Ольгу и покупка готоваго хлѣба въ лавочкѣ. Дома они сами дѣлали тѣсто и пекли хлѣбъ на нѣсколько дней. Ольга вспомнила, какъ вкусенъ имъ казался свѣжій только испеченный хлѣбъ. А этотъ изъ лавочки совсѣмъ не похожъ на тотъ. Сырватъ, плохо промѣшанъ. Вонъ какія куски муки въ немъ запечены, и деревянная палочка торчитъ въ тѣстѣ. Потянувши ее, Ольга вмѣстѣ съ ней вытянула изъ мякиша длинную мочалу.

— Посмотри, хозяйюшка, что въ хлѣбѣ я нашла, — сказала она Аниѣ Семеновнѣ.

Та мелькомъ взглянула и, продолжая стряпню, сказала: — Еще не то у насъ найдешь въ хлѣбѣ-то. Вонъ прошлый разъ ребята принесли каравай изъ лавочки, стали рѣзать. Ножъ во что-то и уперся, не идетъ дальше. Разломали каравай, смотрятъ, а тамъ цѣлая тряпка запечена. Говорили про это потомъ лавочнику, а онъ отвѣчаетъ: «нечаянно попала». Беремъ у него, потому что въ долгъ даетъ.

Пробило двѣнадцать часовъ. Женщины начали торопливо счищать со столовъ остатки овощей, класть на нихъ ложки, хлѣбъ, соль, чтобы мужья, придя домой, немедленно могли приступить за обѣдъ. Полтора часа, которые даются фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ для этой цѣли, не Богъ вѣсть какое большое время, чтобы можно было прохладиться. Иной на ходьбу затратитъ минутъ двадцать въ одинъ конецъ да назадъ столько же. Вотъ сорокъ минутъ долой. Передъ обѣдомъ надо руки помыть, послѣ обѣда трубочку выкурить. Смотришь, и на работу опять пора бѣжать. Если жена почему-либо замѣшкается подать обѣдъ, то мужъ непремѣнно начиналъ ее ругать и упрекать.

— Ну, что ты цѣлое утро дома дѣлала? Обѣда не успѣла во время приготовить. Придется не ѣвши идти на работу, — ворчитъ онъ съ досадою.

Напрасно жена будетъ оправдываться различными неудобствами, съ которыми соединена жизнь угловой квартиры. Мужъ голоденъ и ничего не хочетъ знать.

— У другихъ обѣдъ готовъ, а у тебя нѣтъ. Всѣ на одной плитѣ стряпаете.

Начали приходиться съ работы. Мужья усаживались за свои столики. Подавши кушанье, жены присоединялись къ нимъ и ѣли изъ одной чашки. Одинокіе, для которыхъ готовила хозяйка, обѣдали въ кухнѣ, гдѣ столъ былъ побольше. Они также ѣли всѣ изъ одной каменной чашки. Анна Семеновна налила сначала въ нее щи, разрѣзавъ предварительно мясо на мелкіе кусочки. Когда щи были съѣдены, она въ ту же чашку, не мывши ее, наклала пшенной каши. Одинъ изъ обѣдающихъ, взявши бутылку, стоявшую на столѣ, щедро полилъ ее подеолнечнымъ масломъ.

Андрей, придя обѣдать, былъ пріятно пораженъ новымъ столомъ, чистымъ одѣяломъ и чистыми подушками на постели. Хорошо приготовленный обѣдъ и деревенскій пирогъ, поданный къ нему, совсѣмъ его размягчили, и онъ за обѣдомъ былъ привѣтливъ съ женой. Разговаривая съ ней о сдѣланныхъ покупкахъ, онъ узналъ, что на занавѣску не хватаетъ денегъ и надо еще тридцать копѣекъ.

— Вотъ тебѣ сорокъ копѣекъ. Купи хорошаго ситцу, — сказалъ Андрей, вынимая изъ огромнаго кошелька деньги.

Ольга, обрадованная ласковымъ обращеніемъ мужа, повеселѣла и сдѣлалась смѣлѣй. Она подсѣла къ мужу, который послѣ обѣда прилежъ на кровать выкурить трубку, и начала рассказывать деревенскія новости.

Мужчины скоро опять ушли на работу. А женщины принялись убирать посуду. Перемыли ее и спрятали въ шкапчики, устроенные въ столахъ. Тамъ же хранился и остатокъ провизіи. При квартирѣ чулана не полагалось. Въмѣсто послѣдняго Анна Семеновна употребляла старый сундукъ, который былъ поставленъ въ сѣняхъ и запирался на замокъ. Но она не позволяла жильцамъ ставить туда что-либо, такъ какъ сундукъ былъ малъ и изъ-за провизіи между жилищами выходили непріятности. То пропадалъ кусокъ мяса, то молоко казалось разбавленнымъ водой и т. п. Въ виду этого Анна Семеновна ставила въ сундукъ только свою провизію: остатокъ похлебки, каши, молоко для ребенка, предоставляя жильцамъ хранить свою, гдѣ угодно. Благодаря отсутствію чулана обитатели угловой квартиры были вынуждены покупать все въ малыхъ количествахъ, не болѣе, какъ дня на два. Вслѣдствіе этого имъ приходилось приобретать провизію худшаго качества и платить за нее дороже, такъ какъ лавочникъ нерѣдко обвѣшивалъ ихъ и обмѣривалъ. Благодаря отсутствію какого-либо приспособленія для храненія провизіи въ теплое время года обитателямъ угловой квартиры приходилось особенно тяжело. Очень часто супъ, оставшійся отъ обѣда, къ ужину прокисалъ, вслѣдствіе чего жильцы начинали постоянно страдать разстройствомъ желудка.

Убравши посуду, Ольга съ Анной Семеновной отправились опять за покупками. Послѣдняя взяла съ собой и дѣтей. — Пусть хоть немножко воздухомъ вздохнетъ, говорила она, кутая маленькаго Сеню въ свой большой платокъ.

Съ ними пошла и Авдотья, которой надо было купить себѣ платокъ. Отправились онѣ къ знакомому лавочнику, который, по ихъ мнѣнію, продавалъ дешево и не обманывалъ. Но не смотря на такое убѣжденіе, онѣ тщательно разсматривали всякую вещь и усиленно торговались.

По возвратѣ домой купленный ситець и платокъ показали оставшимся въ квартирѣ женщинамъ. Тѣ послѣ тщательнаго размотрѣнія, нашли что ситець хорошъ, а платокъ дешево купленъ.

Ольга подъ наблюденіемъ Анны Семеновны и другихъ жилищъ раскроили ситець на полосы и начали шить пологъ. Къ вечеру онъ былъ готовъ и повѣшенъ. Когда Андрей вернулся то онъ нашелъ, что его семейный очагъ былъ уже совсѣмъ устроенъ. Довольный этимъ онъ поблагодарилъ Анну Семеновну за то, что она помогла Ольгѣ все купить и устроить. Съ послѣдней онъ былъ весь вечеръ ласковъ.

Первый день жизни въ угловой квартирѣ былъ для Ольги въ Петербургѣ самымъ свѣтлымъ днемъ, тѣмъ для нея наступило тяжелое время. Она никакъ не могла приспособиться къ новымъ условіямъ существованія. Отъ природы очень тихая и уступчивая, она совсѣмъ не обладала тѣми качествами, которыя необходимы при подобныхъ обстоятельствахъ. (Особенно много мученій доставляло ей приготовленіе обѣда на одной плитѣ. Ея горшокъ постоянно сдвигался въ сторону и супъ не доваривался къ сроку. Это злило Андрея. Онъ ворчалъ, бранился и упрекалъ ее. Анна Семеновна, видя ея робость, нерѣдко приходила ей на помощь и заботилась объ ея обѣдѣ. Но часто ей было не до того. Дѣти, жильцы, нужда совсѣмъ ее замотали. Вопросъ о кускѣ хлѣба, который постоянно вставалъ передъ ней, сушилъ ее, какъ она выражалась, потому многого она и не могла сдѣлать для Ольги. Она жалѣла послѣднюю, была ласкова съ ней, указывала ей, что надо сдѣлать, иногда заботилась о ея горшкѣ на плитѣ—вотъ и все.

Ольга за это была ей признательна, но все-таки чувствовала себя здѣсь чужой и одинокой. У нея начала развиваться тоска по родинѣ. Ей страшно хотѣлось вернуться назадъ въ свою деревню, посмотреть на своего мальчика и отдохнуть тамъ.

Но она не смѣла сказать объ этомъ Андрею. И прежде она его боялась, а теперь начала бояться еще больше.

Петербургъ подѣйствовалъ на Андрея дурно. Онъ нерѣдко наливался пьянъ и тогда у него появлялись припадки какой-то дикой ярости. Тогда Ольга не могла на него угодить. Онъ ее ругалъ и нерѣдко билъ. Ея покорность и смиреніе, полная неспособность давать ему отпоръ, раздражали его и онъ начиналъ всячески издѣваться надъ ней. Подъ вліяніемъ алкоголя Андрей становился щедрымъ и тратилъ свой заработокъ на угощеніе товарищей. Потомъ, протрезвившись и видя, что денегъ не хватаетъ на прожитыя, онъ начиналъ ругать жену, называлъ ее дармоедкой и посылалъ въ лавку брать провизію въ долгъ.

Послѣднее было не малой мукой для Ольги. Лавочникъ нерѣдко отказывалъ дать самое необходимое и требовалъ уплаты долга. Тогда передъ Ольгой вставалъ образъ грознаго мужа, который, если она возвратится безъ провизіи, будетъ ее ругать, а пожалуй и прибить. И она начинала со слезами умолять лавочника повѣрить ей въ долгъ, обѣщая непременно уплатить, какъ только у нихъ будетъ получка.

Для Ольги жизнь въ угловой квартирѣ сдѣлалась настоящей каторгой и совсѣмъ ее изводила. Она начала чахнуть, покорно подчиняясь своей судьбѣ и не имѣя настолько характера, чтобы измѣнить условія своей жизни. Она никому не жаловалась и молча таяла. На щекахъ у нея началъ горѣть чахоточный румянецъ. Туберкулезъ, этотъ постоянный гость въ тѣсныхъ жилищахъ петербургскаго рабочаго населенія, подтачивалъ ея здоровье и услужливо помогалъ ей избавиться отъ тяжелой жизни.

По совѣту своихъ сожительницъ, замѣтившихъ возрастающее истощеніе Ольги и ея подозрительное покашливаніе,

она не одинъ разъ уже обращалась къ врачу за помощью. Тотъ давалъ ей капли, порошки, микстуру. Иногда ей казалось, что отъ нихъ ей полегчало. Но это былъ одинъ самообманъ. Лекарство ей не могло помочь, такъ какъ губили ее условія жизни угловой квартиры, ея скученность, ея испорченный воздухъ, ея непрерывная сутолока, ея обитатели, которые безсознательно сами ухудшали и безъ того свое неприглядное существованіе.

Андрей, часто находящійся подъ вліяніемъ алкоголя, не жалѣлъ своей больной жены и нерѣдко, разсердившись, желалъ ей поскорѣе убраться на тотъ свѣтъ.

Однажды въ понедѣльникъ утромъ всѣ мужчины ушли на работу. Остались только обитатели темной комнаты, Степанъ и Петръ. У нихъ вошло въ обычай понедѣльничать, т. е. опохмѣляться по понедѣльникамъ. Это доставляло Аннѣ Семеновнѣ не мало неприятностей и она теперь съ безпокойствомъ думала, уйдутъ они на работу или опять начнется гульба. Взявши маленькаго Сеню на руки, она пошла посмотрѣть, что дѣлаютъ жильцы въ темной комнатѣ.

Пріятели не спали. Петръ сидѣлъ на кровати, а Степанъ лежалъ. Они разговаривали въ полголоса.

— Смерть голова болитъ—сказалъ Степанъ, поворачиваясь на своемъ грязномъ матрацѣ и стараясь поудобнѣе положить подъ свою голову засаленную подушку.

— Опохмѣлитесь надо,—замѣтилъ Петръ, безцѣльно устремивъ свои глаза на отворенную дверь.

— Вчера у меня осталось тридцать копѣекъ. Сходи возьми водки,—говорилъ Степанъ, вытаскивая кошелекъ изъ-подъ подушки.

Въ это время Анна Семеновна заглянула къ нимъ въ дверь.

— А вы развѣ на работу не пойдете?—осторожно спросила она.

— Со вчерашняго голову разломило,—отвѣчалъ Степанъ и подмигнуть товаришу.—Поднесли бы вы намъ по стаканчику, а мы вамъ на гармоникѣ сыграли бы.

— Много денегъ у меня про васъ припасено,—съ неудовольствіемъ отвѣчала хозяйка, видя что ея опасенія оправдываются и жильцы думаютъ опять понедѣльничать.

Петръ сбѣгалъ за водкой. Сидя въ своей темной конурѣ, пріятели поочередно прикладывались къ горлышку бутылки и мирно разговаривали, вспоминая вчерашній кутежъ. Но Анна Семеновна знала, что это только начало, что потомъ начнется игра на гармоникѣ и пѣсни.

Подшло обѣденное время. Всѣ мужчины пришли съ работы. Не было только Андрея. Его отсутствіе мучило Ольгу.

— Помилуй Богъ, если опять загуляетъ. Всю получку пропѣть,—думала она и подошла къ Василию, который обѣдалъ сегодня одинъ на кухнѣ.

— Василий, ты не видалъ моего Андрея на заводѣ?—спросила Ольга.

— Нѣтъ, не видалъ. Вѣрно опять загулялъ,—отвѣчалъ тотъ.

У Ольги упало сердце и она съ опечаленнымъ лицомъ отошла отъ Василія и пошла въ свою комнату. Проходя мимо сосѣдней двери, она невольно съ завистью посмотрѣла на другихъ женщинъ, которыя обѣдая съ мужьями, разговаривали съ ними о разныхъ событіяхъ на заводѣ.

— Что я такая за несчастная!—говорила себѣ Ольга, садясь на свою кровать и не думая приниматься за обѣдъ.—Опять вѣрно всю получку пропѣть и нечѣмъ будетъ въ лавочку уплатить. Торговецъ каждый разъ спрашиваетъ деньги. Хоть бы половину отдать.

Пообѣдавши, мужчины ушли, а женщины убрали всѣ свои горшки съ плиты. Только Ольгинъ одиноко стылъ. Она сама

не притрогивалась къ обѣду, питая слабую надежду, что Андрей не загулялъ, а его такъ что - нибудь задержало и онъ все-таки придетъ обѣдать.

Шелъ третій часъ дня. Жильцы въ темномъ чуланѣ совсѣмъ закутили. Ольгѣ было тоскливо сидѣть одной и она ушла къ хозяйкѣ на кухню. Товарищи воспользовались тѣмъ, что въ ея комнатѣ никого не было, и перешли туда. Поставивши бутылку съ водкой на первый попавшійся столъ, они усѣлись около него и начали заниматься музыкой и пѣніемъ. Степанъ игралъ на гармоникѣ и пѣлъ басомъ, а Петръ подтягивалъ ему тонкимъ голосомъ. Хозяйка ничего имъ не сказала, зачѣмъ они забрались въ чужую комнату. Она по возможности старалась не вмѣшиваться въ жизнь своихъ жильцовъ. Ольга ничего не говорила кутиламъ и не гнала ихъ изъ своей комнаты, потому и Анна Семеновна предпочла промолчать.

Сначала товарищи пѣли все заунывныя пѣсни, которыя выходили у нихъ довольно складно. Женщины въ сосѣдней комнатѣ даже съ удовольствіемъ слушали даровой концертъ. Но печальныя пѣсни скоро смѣнились плясовыми. Степанъ заигралъ камаринскую, а Петръ, стоя передъ нимъ, топтался на одномъ мѣстѣ, видимо, не умѣя плясать. Въ это время явился Андрей.

Онъ вошелъ въ свою комнату въ шапкѣ и, увидя товарищей, закричалъ:

— А, други милые! вотъ люблю! Ну-ка, Степка, поживѣй!

Степанъ ускорилъ темпъ. Андрей принялся плясать въ присядку, оставляя на полу слѣды грязныхъ сапогъ.

Увидя это, Ольга поблѣднѣла. Она поняла, что мужъ загулялъ. Подойдя къ нему, она сказала:

— Полно тебѣ, Андрей. Не хочешь-ли обѣдать? Я подамъ тебѣ.

Андрей остановился и подсѣлъ къ товарищамъ.

— Подавай намъ сюда закуску!—скомандоваль онъ женѣ.

— Какую закуску я тебѣ дамъ? Ышь супъ,—сказала Ольга, почему-то вдругъ осмѣлившись.

— Ахъ, ты тварь этакая!—закричалъ Андрей, внезапно разсердившись.—Иди сейчасъ въ лавочку и, возьми колбасы и соленыхъ огурцовъ.

Испуганная Ольга накинула большой платокъ и побѣжала въ лавочку выпрашивать въ долгъ требуемой провизіи и снова выслушивать упреки торговца.

Она скоро вернулась и на столѣ появилась колбаса, соленые огурцы и черный хлѣбъ. Поставивши все это передъ мужемъ, она ушла было въ сосѣдную комнату. Но ей не пришлось тамъ долго оставаться; она скоро опять услышала голосъ мужа:

— Ольга, сходи за водкой!

Опять ей пришлось бѣжать въ лавку. Только на этотъ разъ мужъ далъ ей денегъ.

Опорожнивши вторую бутылку, товарищи послали Ольгу за третьей. Она пыталась было оказать слабый протестъ, но грозный взглядъ мужа зажалъ ей ротъ.

Женщинамъ скоро надоѣло слушать пьяные разговоры и безобразныя пѣсни и онѣ разбрелись къ сосѣдямъ. Дома остались только Анна Семеновна и Ольга. Первая боялась, какъ бы безъ нея скандалъ не вышелъ. Вторая знала, что надо являться по первому зову мужа, а то быть бѣдѣ.

Начало смеркаться и Ольга подала мужу огонь. Компанія нѣсколько разстроилась. Петръ совсѣмъ разомлѣлъ и, облокотившись на столъ, дремалъ. Онъ изрѣдка поднималъ голову и смотрѣлъ на товарищій помутившимися глазами. Какъ только зажгли огонь, онъ при помощи Степана ушелъ на свою постель и заснулъ мертвецкимъ сномъ. Андрей тоже разомлѣлъ, но все еще бодрился и пытался плясать, но ноги его не слушались.

Сидя на своей кровати, онъ старался въ тактъ музыкѣ махать своей рукой. Но новая порція вина скоро совсѣмъ dokonала его. Онъ легъ поперекъ постели и заснулъ.

Степанъ пилъ не меньше другихъ, но на него вино дѣйствовало не такъ сильно, какъ на его товарищій. Онъ выглядѣлъ еще бодро и хотѣлъ гулять. Но онъ любилъ это дѣлать въ компаніи, потому старался разбудить Андрея. Но тотъ въ отвѣтъ только мычалъ. Тогда Степанъ выпилъ одинъ и заигралъ унылую пѣсню, а затѣмъ отправился спать.

Когда замолкли звуки гармоники и наступила тишина, Анна Семеновна взглянула на Ольгу.

— Никакъ угомонились,—промолвила она.

— Я пойду посмотрю,—сказала Ольга и пошла въ свою комнату.

Тамъ остался только ея мужъ. Раскинувъ руки, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ пьянаго человѣка. Возлѣ него валялся кошелекъ. Когда Ольга увидѣла послѣдній, то ею овладѣло сильное искушеніе припрятать его. Она знала, что мужъ теперь начнетъ пьянствовать до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ всю получку.

— Возьму я деньги и спрячу,—подумала Ольга. — Авось онъ забудетъ, что домой кошелекъ принесъ. Станетъ спрашивать, скажу, что не видала.

Остановившись около постели, она нерѣшительно смотрѣла то на мужа, то на кошелекъ. Въ ея душѣ боролось чувство страха съ желаніемъ избавиться отъ постоянныхъ униженій и упрековъ лавочника. Взять деньги и уплатить ему долгъ, а тамъ будь что будетъ. Но тутъ Ольга вздрогнула. Она знала, что у мужа рука тяжелая и дерется онъ безпощадно.

— Возьму кошелекъ, рѣшила она.—Если онъ про него вспомнитъ и спроситъ, я отдамъ ему. Скажу, что спрягала, потому что боялась, какъ бы кто деньги не украсть.

Ольга осторожно взяла кошелекъ. Тутъ Андрей открылъ глаза и спросилъ:

— Ты чего здѣсь?

Ольга съ кошелькомъ въ рукѣ обмерла, ожидая бури. Но мужъ повернулся на бокъ и опять заснулъ. Тогда она, нѣсколько успокоившись, осторожно открыла маленькій сундучекъ, стоявшій подъ кроватью, и положила туда кошелекъ.

Возвратясь къ хозяйкѣ, Ольга сообщила ей, что сдѣлала. Та замѣтила:

— Смотри, пожалуй, онъ хватится и тебѣ достанется.

— Можетъ быть, завтра онъ про это забудетъ, а потомъ я скажу ему, что деньги отдала лавочнику, такъ какъ онъ самъ велѣлъ долгъ уплатить,—возразила Ольга.

Около девяти часовъ вечера квартира опять начала наполняться людьми. Сначала вернулись жены и занялись приготовленіемъ ужина.

Затопилась плита, но на очень короткое время. Дрова были дороги и хозяйкѣ приходилось ими экономить. Потому жильцы должны были довольствоваться за ужиномъ теплымъ, а не горячимъ супомъ. Но они за это не претендовали на Анну Семеновну. Они знали, что въ другихъ угловыхъ квартирахъ вечеромъ плита совсѣмъ не топится и жильцы вмѣсто ужина пробавляются чаемъ.

Когда мужья вернулись съ работы, на каждомъ столикѣ появилась зажженная маленькая жестяная лампочка, и начался ужинъ. Утомленные мужья молча слушали рассказы женъ, какъ трое жильцовъ здѣсь понедѣльничали. Это была слишкомъ обыкновенная и потому мало интересная для нихъ исторія. Они проворно сѣдали свой супъ. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ выкуривали трубочку, а другіе прямо заваливались спать.

Въ девять часовъ вернулась съ фабрики Даша. Снесши

верхнее платье въ свою комнату, она въ ожиданіи сестры пришла въ кухню къ хозяйкѣ поболтать и повозиться съ дѣтьми. Туда же явился и одинъ изъ ея сожителей по комнатѣ, молодой парень—франтъ, о которомъ мы уже выше упоминали, Василій.

— Отчего Ивана нѣтъ?—спросила его Анна Семеновна про его товарища по кровати.

— Онъ сегодня въ ночную пошелъ,—отвѣчалъ Василій.

— Я и забыла, что онъ эту недѣлю по ночамъ работаетъ,—сказала хозяйка, идя укладывать маленькаго на постель, гдѣ Шурка уже спала крѣпкимъ сномъ.

Василій подефль къ Дашѣ.

— Дарья Петровна,—сказалъ онъ,—пойдемте въ воскресенье со мной на гулянье въ Таврической. Тамъ будетъ золотая рыбка представляться. Очень интересно!

— Пойдемте,—весело отвѣчала Даша,—и Лизу возьмемъ съ собой.

— Я хотѣлъ бы съ вами вдвоемъ,—говорилъ Василій, умильно заглядываясь на ея разрумянившееся личико.

— Пожалуй, пойдемте вдвоемъ, а она съ кѣмъ-нибудь въ другой разъ сходить,—безпечно сказала молодая дѣвушка, которой очень захотѣлось посмотреть золотую рыбку. Она не мало слышала разсказовъ про нее.

Въ это время пробило десять часовъ. Даша поднялась съ мѣста.

— Лиза, вѣрно, у крестной осталась ночевать,—сказала она и, пожелавъ Аннѣ Семеновнѣ покойной ночи, пошла въ свою комнату.

Василій тоже поднялся и пошелъ вслѣдъ за ней.

— Дарья Петровна, покойной ночи и пріятнаго сна,—галантно сказалъ онъ.

— И вамъ покойной ночи,—отвѣчала дѣвушка, скрываясь за своей занавѣской.

Василій остановился и нерѣшительно посмотрѣлъ ей вслѣдъ, видимо о чемъ-то раздумывая. Потомъ подошелъ къ своей кровати, снялъ сапоги и легъ.

Полночь. Въ квартирѣ раздаются храпѣнье и сапѣнье на всѣ лады. Вдругъ кровать Василія осторожно скрипнула, и онъ всталъ. Тихо ступая босыми ногами, онъ началъ пробираться къ Дашиной постели и скоро исчезъ за занавѣской. Дѣвушка, не смотря на усталость, спала чутко и сразу проснулась, слышавши шорохъ около своей постели.

— Кто здѣсь?—спросила она громко со страхомъ.

— Тихе, тихе! Это я—Василій. Пусти меня къ себѣ,—говорилъ Василій шопотомъ, стараясь обнять Дашу.

— Пошелъ прочь отъ меня,—говорила она, сопротивляясь.— Я не хочу.

Но Василій не отставалъ и хотѣлъ взять ее силой. Дѣвушка билась у него въ рукахъ, потомъ, видя, что ей съ нимъ не совладать, закричала на всю квартиру:

— Ай, батюшки! Что онъ со мной дѣлаетъ! Помогите!

Ея крикъ всполошилъ всѣхъ жильцовъ, особенно женщинъ. Они повскакали въ однѣхъ рубахахъ. Хозяйка наскоро зажгла свѣчу, и всѣ бросились къ постели Даши. Растрепанная, она дрожала всѣмъ тѣломъ и плакала навзрыдъ. Возлѣ ея постели стоялъ Василій. Ея крикъ такъ его озадачилъ, что онъ не успѣлъ убѣжать на свое мѣсто.

Видя эту картину, жильцы сразу поняли, въ чемъ дѣло. Мужчины усмѣхнулись и отправились опять на боковую. Но женщины дружно напали на Василія.

— Ты чего къ честной дѣвушкѣ пристаешь? Ахъ ты озорникъ!—кричали онѣ.

Василій съ переконфуженной улыбкой стоялъ на прежнемъ мѣстѣ.

— Я думалъ, она согласна,—старался онъ оправдаться.

Потомъ, видя, что Даша продолжаетъ горько рыдать, а бабы ругаютъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, онъ подбодрился и презрительно сказалъ, идя къ своей постели:

— Ишь какая недотрога царевна! Почище тебя найдемъ, не безпокойся!

Одна изъ жильцъ подошла къ Дашѣ, стараясь ее успокоить, а Анна Семеновна сказала Василію:

— Въ другой разъ наскандаль только у меня!—и ушла къ кричавшему ребенку.

Василій легъ на свою постель въ самомъ дурномъ настроеніи духа. Теперь его на заводѣ всеѣмъ засмѣютъ. Степка, навѣрное, всеѣмъ расскажетъ. Онъ стоялъ у двери и все видѣлъ. Проходу теперь ему съ Дашкой не дадутъ. Будутъ просить рассказать, какъ она его на всю квартиру осрамила, а вѣдь и такая она съ нимъ была ласковая. Гулять обѣщала пойти вдвоемъ. А теперь оконфузила передъ всеѣми.

— Погоди-же, фря этакая, я тебя дойму, думалъ Василій. Будешь моей, а потомъ я надъ тобой насмѣюсь, какъ ты сегодня надо мной насмѣялась.

Вскорѣ всѣ жильцы опять разошлись по своимъ постелямъ. Огонь потушили и наступила тишина. Только Дашѣ не спалось. Лежа на своей кровати, она со страхомъ прислушивалась къ малѣйшему шороху, боясь новаго нападенія со стороны своихъ сожителей по комнатѣ. Не одинъ разъ она принималась потихоньку плакать, вспоминая недавнюю обиду.

— Ни за что теперь одна безъ Лизы здѣсь ночевать не останусь,—думала она, прислушиваясь къ господствующему вокругъ храпѣнью.

Соня бѣжала отъ нея. Только около трехъ часовъ утра она начала немного дремать, но спать въ эту ночь ей не пришлось. Въ ихъ комнатѣ снова раздался женскій крикъ. Даша съ испугомъ вскочила на постели, думая, что это опять она сама кричитъ и повторяется прежняя сцена. Но кричала Ольга, которую билъ мужъ, хватившійся подъ утро своего кошеляка. Она кричала, что онъ тамъ, въ сундукъ, но разсвѣтившій Андрей продолжалъ наносить ей удары своимъ тяжелымъ кулакомъ, куда пришлось: по лицу, въ грудь, въ животъ.

Вся квартира опять всполошилась. Бросились было отнимать Ольгу. Но Андрей съ яростнымъ лицомъ закричалъ:

— Подступись кто!—Убью!

Всѣ со страхомъ посторонились и беспомощно смотрѣли на дикую сцену.

Анна Семеновна совсѣмъ растерялась. Съ блѣднымъ лицомъ она молила мужиковъ:

— Ай, батюшки! Онъ ее убьетъ! Заступитесь, отнимите!

— За дворникомъ надо послать. Пусть онъ его въ участокъ отправитъ,—замѣтилъ одинъ изъ жильцовъ.

Но за дворникомъ Анна Семеновна не рѣшалась послать. Старшій дворникъ не любитъ, чтобы его по ночамъ беспокоили. Скажетъ: «У васъ по ночамъ все скандалятъ», да и съ квартиры съживетъ. Чтобы квартиру мѣнять, нужны большіе расходы.

Наконецъ, Ольга вырвалась изъ рукъ своего мучителя и убѣжала въ сосѣднюю комнату. Мужчины изнутри успѣли припереть дверь, и Андрей, бросившійся было за женой, не успѣлъ туда попасть. Онъ бессильно началъ стучать кулаками въ дверь, ругая жену самыми дурными словами. Потомъ, видя, что ему не одолѣть, отправился разыскивать кошелекъ. Найдя его въ сундукъ, онъ нѣсколько успокоился и легъ.

Его жена осталась въ сосѣдней комнатѣ. Ей дали кое-что подостлать на полу, и она улеглась. Назадъ въ свою комнату она боялась идти. Даша тоже не хотѣла туда возвращаться. Какъ только Андрей началъ бить жену, она, накинувъ на плечи большой платокъ, въ одной рубашкѣ бросилась въ кухню. Тамъ ревѣли дѣти, разбуженныя и напуганныя суматохой и криками. Шурка цѣплялась за мать и кричала:

— Боюсь! Боюсь!

Маленькій братишка ей вторилъ.

Видя, что Аннѣ Семеновнѣ было не до нихъ, Даша старалась успокоить дѣтей, хотя сама тряслась точно въ лихорадкѣ. Это ей удалось. Когда шумъ прекратился, то мальчикъ скоро уснулъ, а Шурка перестала плакать.

— Ложись спать, Дашутка,—сказала Анна Семеновна, удивившись, что Андрей заснулъ.—Уже пятый часъ. Хотя немножко соснешь до утра.

— Анна Семеновна, голубушка!—говорила Даша, вздрагивая.— Не пойду я въ ту комнату спать. Тамъ мужики одни остались. Боюсь я туда идти. Я лучше здѣсь на полу лягу.

— И глупая!—ласково сказала Анна Семеновна.—Чего бояться? Андрей до утра будетъ спать, а Васька не посмѣетъ теперь тебя тронуть.

— Боюсь я ихъ, боюсь,—повторяла Даша.

— Ну, ложись на мою кровать,—сказала хозяйка.—Шуркѣ я постелю на сундукъ.

Успокоившаяся дѣвочка охотно легла на новое мѣсто, а Даша помѣстилась вмѣстѣ съ хозяйкой.

Туманное петербургское утро, угрюмо заглянувшее въ окна угловой квартиры, вполне гармонировало съ лицами ея обитателей. Благодаря безсонной ночи, сумрачны и блѣдны были они. Въ это утро всѣ жильцы встали съ постели лѣвой ногой. Не-

выспавшіеся мужья поднимались неохотно на работу и ни за что ни про что ругали своих женъ. Послѣднія, желая хоть сколько-нибудь наверстать безсонную ночь, огрызались на нихъ съ просонья. Блѣдная Даша съ покраснѣвшими и распухшими отъ слезъ глазами пила чай съ хозяйкой. Но разговоръ у нихъ не клеился. У обѣихъ невесело было на душѣ.

— Вотъ каторжная жизнь,—думала Анна Семеновна,—ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя.

Василій, пришедшій въ кухню умываться, видимо, былъ переконфуженъ. Онъ не заговаривалъ ни съ Дашей, ни съ хозяйкой. Поспѣшно вымывшись, онъ ушелъ и въ этотъ день дома не обѣдалъ.

Андрей также пропалъ на цѣлый день. Утромъ онъ не упомянулъ про жену, не спросилъ, гдѣ она. И Ольга къ нему не вышла. Ночью ее била сильная лихорадка и къ утру она совсѣмъ разнемоглась. Все тѣло у ней ныло и ломило.

Послѣ ухода Андрея Анна Семеновна, недоумѣвавшая, почему Ольга не встаетъ, пошла ее провѣдать.

— Ты что лежишь?—спросила она.—Андрей ушелъ. Ты пошла бы на свою кровать.

Ольга поднялась, но опять опустилась на подушку, стонала.

— Силь нѣтъ. Все болитъ,—сказала она тихо.

— Пойдемъ, я тебя сведу. На кровати все лучше, нежели на полу,—говорила встревоженная Анна Семеновна, помогая Ольгѣ встать.

Съ трудомъ она довела ее до постели и уложила, покрывши одѣяломъ.

— Хочешь чаю? Я принесу,—сказала она.

Но Ольга отрицательно покачала головой. Но, не смотря на это, Анна Семеновна принесла чашку чая и заставила Ольгу выпить нѣсколько глотковъ. Та попробовала пить, но тутъ у

нея сдѣлался сильный припадокъ кашля. Приподнявшись и опираясь руками на постель, Ольга старалась откашляться. Сухой кашель точно раздиралъ ей грудь и рѣзко раздавался по комнатѣ. Выплюнувши мокроту, Ольга замѣтила въ ней кровь.

— Посмотри, хозяйюшка,—сказала она,—никакъ кровь у меня показалась.

— И то кажись,—замѣтила смущенная Анна Семеновна.—Этакій разбойникъ! Какъ онъ тебя избилъ. Въ грудь, вѣрно, ударилъ.

— Онъ въ грудь меня все билъ,—отвѣчала Ольга, совершенно равнодушно отнесаяся къ появленію крови въ своей мокротѣ.

Она нѣсколько успокоилась. Анна Семеновна ушла къ себѣ на кухню, гдѣ кричалъ маленькій Сенья. Шурка усердно качала люльку, но онъ не унимался. Мать взяла его на руки и начала утѣшать. Но онъ продолжалъ плакать и капризничать. Между тѣмъ подошло время идти за провизіей на рынокъ. Анна Семеновна ушла, наказавши Шуркѣ утѣшать и забавлять брата. Вернувшись, она увидѣла, что Шурка крѣпко спитъ на постели, удерживая въ рукѣ веревку отъ люльки, а Сенья въ послѣдней кричитъ благимъ матомъ. Анна Семеновна взяла его изъ люльки и разбудила дѣвочку.

— Ты что его не качаешь? Утѣшь его, дай ему вотъ эту игрушку,—и Анна Семеновна сунула дѣтямъ обломокъ какой-то куклы.

Сонная Шурка начала забавлять брата, а Анна Семеновна, видя, что уже одиннадцатый часъ, поторопилась затопить плитку.

Всѣ жилицы, за исключеніемъ Ольги, принялись за страпню. Разговоръ вертѣлся около почныхъ происшествій и болѣзни Ольги. Женщины жалѣли ее и бранили Андрея.

— Забилъ совсѣмъ бабу,—говорили онѣ.—Кровью начала харкать. Не жилица она на этомъ свѣтѣ.

То одна, то другая изъ жилищъ заходили къ Ольгѣ провѣдать. Высказывали ей свое сочувствіе, подавали совѣты, чѣмъ лечиться, къ какому доктору идти. Ольга относилась къ этому безучастно. У ней въ головѣ точно мутилось и она по временамъ совершенно безмысленно смотрѣла на говорившихъ съ нею. На это обратила вниманіе Авдотья.

— А Ольга какъ будто не въ себѣ, смотритъ такъ нехорошо,—сказала она, возвратясь въ кухню.

Анна Семеновна пошла къ Ольгѣ. Та взглянула на нее и какъ будто не узнала. Хозяйка постояла возлѣ нея, подумала, потомъ взяла полотенце и вернулась на кухню.

— Ольга безъ памяти,—сказала она.—Надо положить ей мокрое полотенце на голову.

Намочивши полотенце, она опять отправилась къ больной. Та теперь узнала ее.

— Или голова болитъ?—спросила ее хозяйка.—Я положу тебѣ мокрое полотенце.

— Мутится въ головѣ,—отвѣчала Ольга.

Положивши полотенце, Анна Семеновна опять ушла на кухню.

Ей буквально приходилось разрываться между дѣтьми, стращаньемъ и Ольгой. Обѣдъ жильцамъ необходимо было приготовить. А Сеня продолжалъ ревѣть, и Шурка никакъ не могла его утѣшить. Онъ безпрестанно кричалъ: «Мама!» и тянулся къ ней на руки. Анна Семеновна брала его и пыталась утѣшить. Иногда ей это удавалось, иногда нѣтъ. И она отдавала плачущаго ребенка на попеченіе Шурки, а сама слѣзила къ плитѣ, мѣняла Ольгѣ компрессъ на головѣ. Въ послѣднемъ ей помогали и жилищцы.

Мужья, вернушіеся къ обѣду въ этотъ день, слышали отъ своихъ женъ много непріятнаго. Тѣ рассказывали имъ, что

Ольга лежитъ безъ памяти, кровью харкаетъ и укоряли мужчинъ за тиранство надъ женщинами

— Вашъ братъ нашу сестру часто въ гробъ вколачиваетъ,—говорили жены.

Такъ какъ фактъ былъ на лицо, то нѣкоторые мужья молчали. Но другіе пытались возражать.

— Ольга смиренная, слова напротивъ мужу не скажетъ. Ее и бить-то не за что было. А ты вѣдь вонъ какая змѣя, все поперекъ мнѣ говоришь, какъ тебя не бить,—говорилъ мужъ Авдотьи.

Но въ квартирѣ чувствовалось нѣчто неуловимое, побуждающее женъ вспоминать всѣ пережитыя обиды и упрекать своихъ мужей съ увѣренностью въ безнаказанности. А тѣ сегодня не рѣшались прибѣгнуть къ кулаку, которымъ они очень часто поддерживали свой авторитетъ по отношенію къ женамъ и зажимали послѣднимъ ротъ. Марья такъ разогорчилась тѣми обидами, которыя причинялъ ей мужъ, что бросила ложку на столъ и сказала, заплакавши:

— Не хочу съ тобой, извергъ, и обѣдать.

Въ другое время мужъ за такіе капризы надавалъ бы ей тумаковъ. Но этотъ разъ его что-то удерживало. Онъ съ досадою всталъ изъ-за стола, взялъ шапку и ушелъ, сказавши:

— Вотъ змѣя!

Въ этотъ день въ угловой квартирѣ ясно обозначились двѣ партіи: мужская и женская. Послѣдняя явно бунтовала противъ первой и выходила у нея изъ повиновенія. А та не рѣшалась возстановить свой авторитетъ обыкновенными способами, такъ какъ у мужей появилось смутное сознаніе, что они часто злоупотребляютъ своею властью надъ женами.

Пообѣдавши, мужчины поторопились уйти на работу, чтобы

избавиться отъ жениныхъ упрековъ. А женщины занялись уборкой посуды. Марья, ушедшая отъ мужа въ сосѣднюю комнату, вышла оттуда, говоря:

— А Ольга безъ памяти, бредить.

Анна Семеновна пошла туда. За ней послѣдовали и другія женщины.

Ольга лежала съ закрытыми глазами и говорила. Она вспоминала деревню, мать, сына, обѣщала къ нимъ скоро пріѣхать. Потомъ начала плакать и просить Андрея, чтобы онъ отпустилъ ее въ деревню.

Женщины постояли возлѣ нея, послушали. Потомъ Марья сказала:

— Въ больницу надо ее отправить. Плоха очень.

— Надо подождать Андрея. Какъ онъ съ женой распорядится,—возразила Анна Семеновна, клавшая на голову Ольги вновь смоченный компрессъ.

На это никто ничего не сказалъ. Всѣмъ было понятно, что онѣ не имѣютъ права распоряжаться женой Андрея, хотя бы того требовали интересы послѣдней.

Кромѣ Ольги, не малую заботу доставлялъ Аниѣ Семеновнѣ маленькій Сенья. Онъ весь день плакалъ, капризничалъ, ничего не ѣлъ и плохо спалъ. Заснувши, онъ начиналъ вздрагивать всѣмъ тѣломъ и просыпался.

— Испугалси онъ ночью,—говорили женщины.

Подошелъ вечеръ. Ольгѣ становилось хуже. А у маленькаго Сени былъ припадокъ родимца. Мать испугалась и упростила Марью сходить и позвать докторшу.

— Умереть, пожалуй, хлопотъ много будетъ. Безъ свидѣтельства хоронить не будутъ,—говорила она.

Пришла докторша, посмотрѣла Сеню.

— Съ перепаду у него родимецъ сдѣлался. Ночью у насъ

тутъ скандалъ вышелъ. Мужъ жену билъ. Посмотрите ее. Она что-то захворала,—говорила Анна Семеновна.

Докторша убѣдилась, что у Ольги въ послѣднемъ градусѣ чахотка, и велѣла везти ее въ больницу, а Сенѣ дала порошки.

Андрей вернулся домой пьяный. Когда ему сказали, что докторша велѣла свезти Ольгу въ больницу, онъ отвѣчалъ:

— Свезите, если хотите. Она мнѣ не нужна.

Онъ легъ спать возлѣ больной жены, а женщины начали разсуждать, что дѣлать съ Ольгой. Ухаживать за ней некому. Надо въ больницу везти.

— Я повезу ее,—сказала Авдотья.

Ея мужъ, вернувшись съ работы, ничего не сказалъ ей и самъ началъ собирать себѣ ужинъ.

Жилицы подняли Ольгу, которая пришла на нѣкоторое время въ сознаніе, одѣли ее и посадили вмѣстѣ съ Авдотьей на извозчика. Та свезла ее въ больницу.

Андрей, прогулявши всю свою получку, протрезвился и тогда вспомнилъ про свою жену. Нельзя сказать, чтобы онъ чувствовалъ большія угрызенія совѣсти, но все-таки въ трезвомъ видѣ мысль о ней возбуждала въ немъ непріятное чувство.

— Сходилъ бы навѣстить жену,—сказала ему Анна Семеновна.—Помираетъ она.

— Схожу завтра,—отвѣчалъ Андрей.

На другой день былъ праздникъ и онъ началъ собираться къ женѣ. Занялъ у Василя двадцать копѣекъ, купилъ баранокъ, яблоковъ ей въ гостинецъ. Въ больницу совѣстно было идти съ пустыми руками.

Ольга встрѣтила его довольно безучастно. Она не обрадовалась ему, но и упрекать не стала.

Андрей поздоровался съ ней и сѣлъ возлѣ кровати, не

зная, о чемъ съ женой разговаривать. Желая сказать ей что-либо приятное, онъ замѣтилъ.

— Поправляйся, Ольга, въ деревню отпущу съ сыномъ поглядѣться.

Ольга заплакала,

— Гдѣ мнѣ поправиться,—сказала она.—Помру и Ванюшку не увижу. Принеси мнѣ образокъ. Я материнское благословеніе ему пошлю.

У Андрея шевельнулось чувство сожалѣнія къ своей безотвѣтной женѣ. Онъ пришелъ къ ней черезъ два дня и принесъ образъ Николая Чудотворца.

Ольга взяла его, перекрестилась, поцѣловала и сказала мужу.

— Когда я умру, ты пошли его Ванюшкѣ, вели сказать что умирая, я имъ его благословила.

Ольга пролежала двѣ недѣли въ больницѣ и умерла. Передъ смертью она сказала Андрею:

— Прости мнѣ, если я тебѣ чѣмъ досаждала. А я на тебя зла не имѣю. Видно такая моя судьба.

Андрей хоронилъ ее на свой счетъ. Купилъ хорошій гробъ и устроилъ поминки.

Послѣ смерти Ольги онъ не долго оставался у Анны Семеновны. Тамъ нерѣдко его начали упрекать смертью жены, говорить, что онъ вколотилъ ее въ гробъ. Это было неприятно Андрею и онъ переселился на другую квартиру.

Квартира Анны Семеновны вообще начала разстраиваться. Василій, которому Даша очень нравилась, рѣшилъ вести дѣло по хорошему. Подкарауливши ее на улицѣ, когда она возвращалась домой съ работы, онъ сказалъ ей.

— Ты все на меня сердисься. Не хочешь такъ жить со мной, давай повѣнчаемся.

Даша была къ нему равнодушна, потому забыла обиду и согласилась выйти за него замужъ.

Послѣ свадьбы молодые наняли комнату въ другой квартирѣ и переѣхали туда. Лиза переселилась съ ними.

Петръ, совсѣмъ заболтавшійся въ Петербургѣ, былъ вытребованъ отцомъ въ деревню. Степану надоѣло жить въ темной комнатѣ, кромѣ того, здѣсь у него не осталось подходящихъ товарищей, которые съ нимъ понедѣльничали бы, и онъ переселился на другую квартиру. Жилецъ на кухнѣ, которому было отсюда далеко ходить на работу, переѣхалъ поближе къ мѣсту своихъ занятій.

Маленькій Сеня умеръ вскорѣ послѣ достопамятной ночи. У него продолжались припадки родимца, отъ котораго онъ и скончался. Послѣ его смерти Анна Семеновна начала подумывать о томъ, что лучше отказаться отъ квартиры и пойти работать на фабрику. Теперь маленькій ребенокъ ее не связывалъ, а Щурка могла оставаться одна дома. Квартира съ жильцами и всѣ неприятности, связанныя съ сдачей угловъ, тяготили Анну Семеновну. У нея не было настолько эгоизма, чтобы равнодушно относиться къ горю и радости своихъ жильцовъ. Она принимала дѣятельное участіе въ нихъ и тѣмъ себя изводила. Тутъ подошло повышение платы за квартиру. Домовладѣлецъ заявилъ, что онъ набавляетъ на нее пять рублей въ мѣсяцъ. Тогда Анна Семеновна рѣшила, что держать квартиру ей не по силамъ и заявила объ этомъ домовладѣльцу и жильцамъ.

Авдотья, которая обыкновенно ходила поденно стирать и тѣмъ увеличивала скудный заработокъ мужа, поговоривши съ послѣднимъ, рѣшила взять за себя эту квартиру и пускать одинокихъ. Такимъ образомъ она надѣялась получить съ жильцовъ столько денегъ, сколько необходимо было для уплаты за

квартиру и на дрова. Въ такомъ случаѣ имъ будетъ оставаться уголь даромъ и, можетъ быть, рубля три-четыре лишнихъ за ея трудъ.

Скоро квартира Анны Семеновны перешла къ другимъ хозяевамъ и наполнилась другими обитателями, но жизнь въ ней была также неприглядна, пожалуй, даже сдѣлалась хуже. Въ ней стало тѣснѣе, грязнѣе, чаще начали совершаться попойки и ссоры.

